

КАФЕДРА ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ.

Рейнишъ **Антонъ Григорьевичъ**,—«нѣмецкой націи, родомъ изъ Бабенгаузена въ Швабінъ», род. ок. 1769—1770 г., обучался словеснымъ наукамъ въ Нугебургѣ, философіи въ Дилингенскомъ университетѣ, находившемся въ то время въ рукахъ іезуитовъ и бывшемъ центромъ полемики ихъ противъ протестантовъ (упраздненъ въ 1804 г.), затѣмъ обучалъ сначала нѣмецкому и латинскому языкамъ, географіи, всеобщей и естественной исторіи, а потомъ поэзіи и реторикѣ и, наконецъ, философіи и математикѣ въ монастырской школѣ знаменитаго Вейнгартенскаго аббатства, обладавшаго превосходной библіотекой. Послѣ его закрытія (въ 1803 г.) Рейнишъ отправляется въ Іенскій университетъ, «гдѣ удостоенъ будучи къ преподаванію философіи», получилъ приглашеніе гр. Северина Осиповича Потоцкаго, Харьковскаго попечителя, въ Харьковскій университетъ (17 января 1805 г.) для преподаванія всеобщей исторіи. 7 ноября 1806 г. былъ избранъ адъюнктомъ для преподаванія исторіи и географіи, а 7 сентября 1807 г. утвержденъ въ этомъ званіи для преподаванія историческихъ наукъ и педагогіи.

Всемирную исторію и географію Рейнишъ читалъ (въ 1805 г.) на нѣмецкомъ языкѣ, по 6 час. въ недѣлю, начиная свои лекціи въ 8 часу утра. До 1807 г. Рейнишъ преподавалъ древнюю исторію съ хронологіей, тогда какъ Рейтъ читалъ «исторію европейскихъ государствъ». Съ выступленіемъ же Дегурова (1807), взявшаго на себя среднюю, новую и новѣйшую исторію, Рейнишъ ввелъ въ преподаваніе «историческую пропедевтику, археологію всеобщей исторіи и критическій анализъ мѣвовъ древностей», читая въ то же время и необязательный курсъ педагогіи. Въ 1809 году Рейнишъ былъ избранъ инспекторомъ студентовъ, но уже въ 1810 г. эту должность занялъ Успенскій, а Рейнишъ въ 1810 г. вошелъ въ составъ комитета, учрежденнаго съ цѣлью слѣдить за распредѣленіемъ студентовъ по факультетамъ, въ качествѣ члена отъ этико-политическаго факультета, по словесному отдѣленію котораго онъ несъ обязанности секретаря (съ

1809 по 1811), будучи одновременно и помощником библиотекаря. Рейнишъ умеръ въ 1811 году, не оставивъ послѣ себя печатныхъ трудовъ, какъ свидѣтельствуеть «надгробіе»: «Сей камень Рейниша ученаго скрываетъ, онъ отъ трудовъ большихъ оставилъ рано свѣтъ; они не кончены—никто ихъ не прочтетъ; и много чрезъ сіе исторія теряетъ».

А. С. Вязигинъ.

Рейтъ (Reith) Бернгардъ Осиповичъ. Биографію Рейта см. въ отдѣлѣ біографій профессоровъ юридическаго факультета.

Дегуровъ Антонъ Антоновичъ занималъ кафедру всеобщей исторіи въ Харьковскомъ университетѣ по 1816 годъ, по національности французъ: настоящая его фамилія *Digour*, но въ послѣдствіи, состоя профессоромъ въ Харьковѣ и «желая еще болѣе соединить себя и дѣтей своихъ съ государствомъ, въ службѣ коего» находился, онъ испросилъ Высочайшее разрѣшеніе именоваться *Дюгуровымъ* или *Дегуровымъ*, чтобы «дать своему прозванію русское словоокончаніе и правописаніе». Родился Дегуровъ близъ Клермона въ 1765 г. (или 1766 г.), былъ профессоромъ изящной словесности въ королевскомъ коллегіумѣ Де-ла-Флешъ, потомъ профессоромъ исторіи въ Парижской центральной школѣ. Во время революціи мы видимъ его книгопродавцемъ-издателемъ, причемъ онъ издаетъ и свои собственныя сочиненія по исторіи, географіи и риторикѣ. На этомъ поприщѣ Дегуровъ обнаружилъ большую дѣятельность. Намъ извѣстны слѣдующія его изданія: 1) *Histoire publique et secrète de Henri IV, roi de France et de Navarre*. 1790; 2) *Nouvelle rhétorique française à l'usage des jeunes demoiselles*. 1791; 3) *Géographie de la France d'après la nouvelle division en 83 départements*. 1791; 4) *Coup d'oeil sur l'histoire de France pour servir d'introduction à la géographie de la France*. 1791; 5) *École politique ou collection par ordre des matières, des discours, des opinions, des déclarations et des protestations de la minorité de l'assemblée nationale, pendant les années 1789, 1790, 1791, en faveur de la monarchie, de la religion et des vrais intérêts du peuple*. 1792. 12 v.; 6) *Mémoire justificatif pour Louis XVI, ci-devant roi de France*. 1793; 7) *Collection des meilleurs ouvrages qui ont été publiés pour la défense de Louis XVI*. 1792. 2 v.; 8) *Histoire d'Olivier Cromwell*. 1795. 2 v.¹⁾.

Уже изъ этого перечня видно, что Дегуровъ былъ не «яростнымъ демагогомъ», какъ говорилъ его противникъ, проф. Шадъ, а, напротивъ,

1) Имъ изданы также *Lettres de Platon*, trad. du grec par N. Papin. 1797.

монархистомъ. Впослѣдствіи онъ съ гордостью ссылался въ особенности на свой «Оправдательный мемуаръ», говоря, что онъ «былъ первый французъ, осмѣлившійся въ самомъ Парижѣ принять на себя защиту несчастнаго короля». Послѣ этого не удивительно, что Дегуровъ покинулъ Францію. Около 6 лѣтъ онъ провелъ въ Англіи, занимаясь медициной, политической экономіей и сельскимъ хозяйствомъ¹⁾. Въ 1806 г. Дегуровъ прибылъ въ Россію, въ Курскую губ. (въ имѣніе кн. Бярятинскаго, съ которымъ онъ и пріѣхалъ). Сперва онъ имѣлъ въ виду открыть женскій пансіонъ въ Курскѣ или въ Харьковѣ; но затѣмъ у него явилась мысль занять кафедру всеобщей исторіи или сельскаго хозяйства въ Харьковскомъ университетѣ, тогда только что основанномъ и нуждавшемся въ профессорахъ. Попечитель Потоцкій, къ которому онъ обратился съ письмомъ, передалъ это дѣло на разсмотрѣніе совѣта университета, и совѣтъ 1 ноября 1806 г. избралъ Дегурова профессоромъ всемірной исторіи, географіи и статистики, а 17 апрѣля 1807 министръ утвердилъ его въ званіи экстраординарнаго профессора.

Дегуровъ, занявъ кафедру, принялъ на себя чтеніе средней и новой исторіи и открылъ особые, спеціальныя курсы исторической критики и обзорѣнія успѣховъ человѣческаго ума на поприщѣ наукъ, искусствъ, политическихъ, гражданскихъ и религіозныхъ учрежденій²⁾. Кромѣ того, одно время онъ преподавалъ статистику и французскую словесность, а въ 1810 г., за неимѣніемъ профессора земледѣлія, читалъ «экстраординарныя лекціи» даже и по этому предмету.

Въ 1809 г. Дегуровъ возведенъ былъ въ званіе ординарнаго профессора. Въ 1810 г. и въ 1812 г. онъ состоялъ деканомъ «отдѣленія словесныхъ наукъ», членомъ правленія и цензурнаго комитета; кромѣ того, онъ состоялъ членомъ училищнаго комитета, комитета для экзаменованія чиновниковъ и бібліотекаремъ университета. Наконецъ, Дегуровъ неоднократно былъ посылаемъ въ качествѣ «визитатора» для осмотра гимназій и училищъ въ разныя мѣстности—въ губ. Курскую, Орловскую, Черниговскую, Екатеринославскую, Таврическую, Херсонскую, не говоря уже о гимназій Харьковской. Въ Екатеринославѣ, напр., онъ принималъ мѣры къ открытію гимназій съ уѣзднымъ училищемъ, которыя и были открыты въ его присутствіи. Въ Одессу онъ былъ командированъ въ 1812 г. и затѣмъ въ 1814 г., на этотъ разъ по просьбѣ герцога Ришелье, у кото-

¹⁾ См. его письма къ Потоцкому (имѣющіяся въ архивѣ) и ст. А. С. Лебедева о немъ, Вѣстн. Евр., 1876, мартъ.

²⁾ А. П. Рославскій-Петровскій. Объ ученой дѣятельности Импер. Харьк. унив. въ первое 10-лѣтіе его существованія (Ж. М. Н. Пр. 1855, іюль).

раго были нѣкоторыя недоразумѣнія и несогласія съ университетомъ по вопросу о гимназій въ Одессѣ.

Многочисленныя ли обязанности, которыя онъ исполнялъ, незнаніе ли русскаго языка (Дегуровъ во время визитаціи ѣздилъ въ сопровожденіи переводчика, лекціи читалъ по-латыни или по-французски и даже впоследствии, будучи уже ректоромъ Петербургскаго университета, не говорилъ по-русски) и общія неблагопріятныя для научныхъ занятій условія, но Дегуровъ во время своей профессуры въ Харьковѣ напечаталъ мало работъ, что особенно бросается въ глаза по сравненію съ тою плодovitостію, которую онъ обнаружилъ раньше, живя въ Парижѣ въ началѣ 90-хъ годовъ XVIII стол. За время пребыванія его въ Харьковѣ ему принадлежить лишь нѣсколько рѣчей и книжка о цивилизаціи Ногайскихъ татаръ.

На актѣ 30 августа 1808 года Дегуровымъ произнесена была рѣчь: *Critique et défense de l'histoire*¹⁾. «Исторію», говорилъ Дегуровъ, «считаютъ обыкновенно самымъ легкимъ родомъ литературы; я желалъ бы доказать противное. Исторія имѣетъ многихъ хулителей; я хотѣлъ бы убѣдить ихъ, что они неправы». Здѣсь обращаетъ на себя вниманіе взглядъ Дегурова на исторію и ея содержаніе. По его мнѣнію, «обычаи, законы, нравы, торговля, финансы, земледѣліе, населеніе, искусство, науки, литература, однимъ словомъ,—все, что служить къ познанію положенія народовъ и состоянія человѣческаго ума, должно бы быть нераздѣлимо съ картиной войнъ и революцій.... Какъ, въ самомъ дѣлѣ, судить о вліяніи политическихъ переворотовъ, когда намъ недостаетъ необходимыхъ данныхъ для того, чтобы оцѣнить и состояніе общества, которое имъ предшествовало, и состояніе, которое за ними слѣдовало? Къ сожалѣнію, историки прошлаго времени пренебрегали поучительными подробностями, и вмѣсто этихъ подробностей что находимъ мы? Сраженія, осады, мирные трактаты, генеалогіи, браки и массу событій неважныхъ, разсказываемыхъ въ газетномъ стилѣ».... При этомъ нагромождаютъ еще столько незначительныхъ подробностей, что нерѣдко встрѣтить лицъ, которыя, не будучи въ состояніи отдѣлать главный фактъ отъ окружающихъ его безполезныхъ подробностей, забываютъ первый и занимаются только послѣдними. Такимъ образомъ, еще въ началѣ XIX в., назадъ тому почти 100 лѣтъ, Дегуровъ настаивалъ на необходимости изучать внутреннюю исторію, культурную и экономическую. А говоря о пользѣ исторіи, онъ касается, между прочимъ, «длиннаго и унизительнаго списка ошибокъ», которыя могутъ служить поучительнымъ урокомъ. «Великія ошибки, видимыя издалека, суть огненный маякъ, который свѣтитъ среди потемокъ и предостерегаетъ насъ отъ

¹⁾ Налеч. въ Актовыхъ рѣчахъ за 1808 годъ.

подводныхъ камней, коихъ слѣдуетъ избѣгать. Такъ, разореніе и нищета Испаніи, которыя послѣдовали за изгнаніемъ мавровъ и евреевъ; отмѣна Нантекаго эдикта, которой справедливо приписываютъ паденіе во Франціи мануфактуръ подъ конецъ царствованія Людовика XIV; такъ, религиозныя войны, которыя опустошили Германію,—все это научаетъ государей, что всякое преслѣдованіе убѣжденных ведетъ къ бѣдствіямъ, тогда какъ терпимость населяетъ государства и обогащаетъ ихъ. Безъ сомнѣнія, именно знанію бѣдствій, которыя сопровождаютъ противоположную систему, Россія обязана тѣмъ счастливымъ и мирнымъ порядкамъ, при коемъ всѣ граждане, безъ различія сектъ, призваны къ служенію отечеству».

Другая актовая рѣчь Дегурова, произнесенная 17 января 1812 г.— *De la renaissance des lettres et de la prépondérance qu'elles ont données à l'Europe sur les autres parties de la terre*¹⁾ —очень бѣглый очеркъ состоянія наукъ, открытій и изобрѣтеній; затѣмъ Дегуровъ ставитъ здѣсь вопросъ: что дало перевѣсъ европейцамъ и владычество надъ прочими частями земного шара? и отвѣчаетъ: «превосходство просвѣщенія», которое необходимо и для побѣды, «такъ какъ одного мужества недостаточно въ бою, такъ какъ невѣжество не умѣетъ ни дисциплинировать, ни содержать, ни направлять арміи», и т. д.

Небольшая книжка (122 стр. малаго формата): *De la civilisation des Tatars-Nogais dans le midi de la Russie européenne*, изданная въ Харьковѣ въ 1816 г., является до нѣкоторой степени плодомъ поѣздокъ Дегурова по южной Россіи для визитаціи, во время которыхъ онъ лично ознакомился съ краемъ. Въ началѣ, въ «предварительныхъ замѣчаніяхъ», авторъ отмѣчаетъ огромную культурную работу Россіи, создавшей въ теченіе короткаго времени больше городовъ и селеній, нежели даже Соединенные Штаты въ Америкѣ за тотъ же промежутокъ. Затѣмъ, переходя къ «цивилизациі» татаръ, онъ говоритъ объ остаткахъ ногайцевъ въ XVIII в., ихъ положеніи подъ властью русскаго правительства, о мѣропріятіяхъ послѣдняго, направленныхъ къ тому, чтобы сдѣлать татаръ осѣдлыми, объ уходѣ однѣхъ ордъ и приходѣ другихъ, о повинностяхъ, лежащихъ на татарахъ, перемѣнѣ въ нравахъ, о гражданскомъ устройствѣ, занятіяхъ, пищѣ и напиткахъ, домашней жизни, территориальномъ дѣленіи, соціальныхъ различіяхъ, просвѣщеніи, природѣ страны, городахъ и проч. Лучшею мѣрою для развитія цивилизациі у ногайцевъ Дегуровъ признаетъ просвѣщеніе, обученіе. На послѣднихъ страницахъ авторъ касается колонистовъ южной Россіи—меннонитовъ, духоборовъ, иностранцевъ, помѣщичьихъ крестьянъ, переселенцевъ изъ Малороссіи. Въ «приложеніи»

¹⁾ Напеч. въ Актов. рѣчахъ за 1812 г.

помѣщены примѣчанія и таблицы — «кантоновъ» и деревень татарскихъ, съ указаніемъ числа душъ мужского пола и мечетей въ апрѣлѣ 1814 г. и деревень, принадлежащихъ коронѣ и дворянамъ въ Мелитопольскомъ уѣздѣ, Таврической губ., въ 1814 г. — Тутъ заслуживаетъ вниманія самая тема: мы видимъ у Дегурова тотъ же интересъ къ внутренней исторіи, къ исторіи *цивилизациі*, который онъ обнаруживалъ и въ своихъ актовыхъ рѣчахъ. Чрезвычайно любопытны также заключительныя замѣчанія, въ которыхъ Дегуровъ высказываетъ пожеланіе, чтобы русскіе поселенцы пользовались тѣмъ особымъ покровительствомъ, какое предоставлено иностраннымъ колонистамъ, чтобы имъ были даны тѣ же льготы и пособія и въ особенности, чтобы они были поставлены подъ управленіе «бюро колоній» и освобождены на 5 лѣтъ отъ власти капитанъ-исправниковъ. «Въ другихъ мѣстахъ», говоритъ Дегуровъ, «исключительные законы» создаютъ злоупотребленія, а въ Россіи они по большей части являются гарантіей противъ нихъ». Въ связи съ поѣздками Дегурова по югу Россіи стоитъ и другое дѣло: въ запискѣ, представленной Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ (уже по переѣздѣ его изъ Харькова въ Петербургъ), Дегуровъ поднялъ вопросъ о постановкѣ памятника извѣстному филантропу Говарду, похороненному близъ Херсона, и по повелѣнію Императора памятникъ былъ поставленъ въ самомъ Херсонѣ.

Но ученостью и высокими нравственными качествами Дегуровъ далеко не отличался. Роммель, его современникъ и сотоварищъ по службѣ въ Харьковскомъ университетѣ, замѣчаетъ о немъ въ своихъ воспоминаніяхъ¹⁾: «по званію онъ былъ профессоръ исторіи, а въ сущности имѣлъ у насъ особенное значеніе, какъ ревизоръ училищъ и дипломатъ, особенно въ такихъ дѣлахъ, какъ столкновение университета съ герцогомъ Риншелье. Знаніе людей, свѣтскій тактъ, пылкій характеръ и ловкое умѣнье всегда соблюдать свою выгоду дѣлали его опаснымъ соперникомъ для всякаго; презирая русскихъ, ненавидя нѣмцевъ, онъ умѣлъ мастерски притворяться передъ тѣми и другими». Въ то время въ средѣ харьковскихъ профессоровъ, представлявшей пеструю смѣсь разнообразныхъ элементовъ, обычнымъ явленіемъ была борьба, и однимъ изъ средствъ ея служили доносы. Дегуровъ подвергся формальному слѣдствію и суду по доносу адъюнкта Гамперле и нѣкоторыхъ другихъ, обвинявшихъ его въ сношеніяхъ съ Франціей, но былъ оправданъ. Самъ онъ вступилъ потомъ въ борьбу съ проф. Шагомъ, выступилъ съ публичными обвиненіями его въ совітѣ по поводу его книгъ: *De viris illustribus urbis Romae* и *Institutiones juris*

¹⁾ Пять лѣтъ изъ жизни Харьк. унив. Харьк. 1868 г. (русск. пер.), стр. 63.

naturae, и не остановился даже предъ доносами въ министерство ¹⁾. Результатомъ было удаленіе Шада изъ Харьковскаго университета.

Но Дегуровъ, повидимому, тяготился уже жизнью въ Харьковѣ. По свидѣтельству Роммеля, онъ еще въ 1814 году условился было съ нимъ «выбраться поскорѣе» изъ «этого опаснаго мѣста», гдѣ свирѣпствовала тифозная эпидемія. Но только въ 1816 г. Дегуровъ покинулъ Харьковъ: онъ представилъ нѣкоторые проекты по части государственныхъ финансовъ и былъ вызванъ въ Петербургъ по Высочайшему повелѣнію. Онъ былъ назначенъ профессоромъ французской словесности въ Главномъ Педагогическомъ Институтѣ и въ университетѣ, гдѣ потомъ занялъ кафедру исторіи. На этомъ періодѣ въ дѣятельности Дегурова мы уже не будемъ останавливаться; замѣтимъ только, что во времена Рунича онъ сыгралъ неблаговидную роль въ дѣлѣ Раупаха, каѣдру котораго онъ затѣмъ занялъ, и другихъ профессоровъ; въ 1825—1836 г.г. былъ ректоромъ Петербургскаго университета, послѣ чего переѣхалъ на покой въ Одессу, гдѣ и скончался 10 мая 1849 года. Изъ сочиненій его этого періода отмѣтимъ книгу: *Recherches sur les enfants-trouvés et les enfants illégitimes* (Paris. 1839)—вопросъ, которымъ онъ много занимался.

О Дегуровѣ, кромѣ архивнаго матеріала, см. въ бумагахъ А. П. *Рославскаго-Петровскаго*; ст. его же объ ученой дѣятельности Имп. Харьк. унив. въ первое 10-лѣтіе его существованія (Ж. М. Н. Пр., 1855. іюль); некрологъ въ Ж. М. Н. Пр., 1849, декабрь (ср. *ibid.*, 1872. февраль); ст. въ Рус. Арх., 1868, № 12; А. С. *Лебедева* въ Вѣстн. Евр., 1876, мартъ (стр. 135—176); Д. И. *Багалъя* въ Энциклоп. Слов. *Брокгауза-Ефрона* и его же, Опытъ ист. Харьк. Унив., т. I—II.

В. П. Бузескулъ.

Адамовичъ Демьянъ Герасимовичъ, изъ дворянъ; воспитывался въ Екатеринославской гимназіи; въ 1808 г. поступилъ въ Харьковскій университетъ и слушалъ лекціи по «россійской, французской и нѣмецкой словесности, греческому, латинскому и англійскому яз., логикѣ, математикѣ, физикѣ, политической экономіи, естественному праву, россійской исторіи, географіи и статистикѣ, всеобщей исторіи, теоретической и практической философіи, всеобщей географіи, педагогіи и рисованію» съ «превосходными успѣхами». Въ 1811 г. окончилъ курсъ со степенью кандидата по словесному отдѣленію и былъ назначенъ субъ-инспекторомъ казеннокоштныхъ сту-

¹⁾ Д. И. *Багалъя*, Матеріалы для исторіи Харьк. унив., открытые въ архивѣ Мин. Нар. Пр. — Удаленіе проф. Шада изъ Харьк. унив. (Зап. Имп. Харьк. Унив. 1899, кн. 1—2).

дентовъ, при чемъ репетировалъ ихъ и занимался съ ними педагогикой, а въ концѣ 1812 г. опредѣленъ въ помощники тогдашняго профессора всеобщей исторіи А. А. Дегурова для преподаванія, въ званіи лектора, древней исторіи и всеобщей географіи. Послѣ отъѣзда Дегурова въ Петербургъ Адамовичъ одинъ преподавалъ всеобщую исторію въ Харьковскомъ университетѣ, а въ 1818 г.—вмѣстѣ съ Филомафитскимъ и Гонорскимъ. Кромѣ древней исторіи, читалъ среднюю и новую «по Зябловскому, съ прибавленіями изъ лучшихъ историческихъ писателей». Сверхъ того, Адамовичъ состоялъ одно время секретаремъ правленія.

Адамовичъ былъ одинъ изъ первыхъ (по времени) преподавателей Харьковскаго университета, вышедшихъ изъ среды его питомцевъ, но его преподавательская дѣятельность продолжалась недолго: повидимому, онъ не оправдалъ тѣхъ надеждъ, которыя онъ подавалъ, какъ отличнѣйшій студентъ, прослушавшій разнообразный курсъ наукъ: въ 1818 году онъ взялъ отпускъ въ Петербургъ, какъ кажется, для пріисканія мѣста, а въ 1819 г. подалъ прошеніе объ увольненіи отъ службы въ Харьковскомъ университетѣ, изъявивъ желаніе быть опредѣленнымъ по министерству полиціи. Въ 1823 г. мы встрѣчаемъ его секретаремъ комитета по ученой части при Императорскомъ Человѣколюбивомъ Обществѣ въ Петербургѣ.

Печатныхъ самостоятельныхъ трудовъ у Адамовича не было. Ему принадлежали лишь переводы: «Разсужденія о возстановленіи наукъ и просвѣщенія въ Европѣ» Дегурова (см. выше), «Надгробнаго слова профессору Калкау» (съ лат., 1813) и рѣчи проф. Шада «О возвращеніи Европѣ свободы» (съ лат., 1815).

О немъ, кромѣ данныхъ въ университетскомъ архивѣ, см. бумаги А. П. Рославскаго-Петровскаго и «Опытъ исторіи Харьк. унив.» Д. П. Багалъя (т. I).

В. П. Бузескулъ.

(1790-1831)

Филомафитскій Евграфъ Матвѣевичъ, магистръ изящныхъ наукъ и искусствъ, ординарный профессоръ по кафедрѣ всеобщей исторіи, географіи и статистики, родился въ 1790¹⁷⁹⁰ году декабря 9 числа въ селѣ Малаховѣ Ярославской губерніи Романо-Борисоглебскаго уѣзда. Происходя изъ духовнаго званія, онъ получилъ образованіе въ Ярославской духовной семинаріи, гдѣ обучался съ 22 мая 1799 года по 29 сентября 1810 года. Окончивъ курсъ семинаріи и получивъ увольненіе изъ духовнаго званія, поступилъ 20 октября 1810 года въ Ярославское Демидовское высшихъ наукъ училище. Съ полученнымъ отъ Демидовскаго училища аттестатомъ поступилъ казеннокоштнымъ студентомъ въ Харьковскій университетъ

(сентября 9 1812 г.) и уже 9 июня 1813 г. былъ произведенъ въ кандидаты 12 класса, а съ 20 мая 1814 г. по 6 сентября 1816 г. исправлялъ должность субъ-инспектора казеннокоштныхъ студентовъ. Приобрѣти (30 июня 1816 г.) степень магистра изящныхъ наукъ и искусствъ, съ 14 февраля 1818 года, по опредѣленію главнаго училищнаго правленія, сталъ преподавать всеобщую исторію и древнюю географію. Адъюнктомъ по части всеобщей исторіи и древней географіи произведенъ 10 сентября 1819 г., экстраординарнымъ профессоромъ 27 февраля 1826 г., а 1 января 1828 г., по предписанію высшаго начальства, ему поручено преподаваніе всеобщей статистики, вслѣдствіе чего 12 апрѣля того же года онъ и былъ утвержденъ г. министромъ народнаго просвѣщенія въ званіи ординарнаго профессора всеобщей исторіи, географіи и статистики. Филомафитскій скончался, «бывъ одержимъ болѣзнію», «въ ночь противъ 7 апрѣля 1831 года».

Помимо литературно-научной дѣятельности, профессоръ Филомафитскій несъ цѣлый рядъ должностей въ университетѣ: съ 22 марта 1815 г. онъ былъ секретаремъ «разсмотрительнаго» комитета, съ 8 октября 1813 г. состоялъ помощникомъ инспектора студентовъ, съ 3 ноября 1823 года по 6 апрѣля 1831 года (день смерти) состоялъ синдикомъ университета; съ 1827 года членомъ комитета для испытаній учителей, опредѣленныхъ въ гимназіи Харьковскаго учебнаго округа; по назначенію высшаго начальства былъ визитаторомъ и осматривалъ гимназіи Таганрогскую, Екатеринославскую, Таврическую и Херсонскую съ ихъ училищами съ 6 июля 1827 г. по 1 октября 1827 года. Объ этой поѣздкѣ сохранился очень обширный отчетъ, свидѣтельствующій о тщательномъ и внимательномъ отношеніи Филомафитскаго къ порученному ему дѣлу. Съ 16 августа 1829 года по 16 августа 1830 г. состоялъ секретаремъ совѣта университета и членомъ училищнаго комитета; былъ секретаремъ словеснаго отдѣленія съ 23 июля 1826 года по 6 февраля 1830 года.

Кромѣ того Филомафитскій проявлялъ интересъ къ различнымъ областямъ научной и общественной жизни Харькова, такъ: онъ состоялъ дѣйствительнымъ членомъ общества наукъ при Харьковскомъ университетѣ (съ 3 ноября 1815 г.) и общества благотворительности (съ 1815 г.). Онъ былъ также членомъ (съ 1819 г.) общества любителей отечественной словесности при Московскомъ университетѣ, вступая въ общеніе и съ другими просвѣтительными русскими центрами.

Какъ видно изъ приводимаго ниже перечня трудовъ, Филомафитскій по своей подготовкѣ и кругу преобладающихъ интересовъ не былъ историкомъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Естественно, что и изслѣдованія его не отличались самостоятельностью: профессоръ Рейтъ, самъ преподававшій

всеобщую исторію и географію и враждовавшій съ Филомафитскимъ, утверждалъ, что Филомафитскій «въ историческихъ наукахъ совершенно несвѣдущъ и извѣстенъ факультету только жалкимъ сочиненіемъ своимъ на латинскомъ языкѣ, не одобреннымъ совѣтомъ». Хотя личные счеты и могли повліять на рѣзкость отзыва Рейта, но въ общемъ онъ находитъ поддержку въ другихъ свидѣтельствахъ, такъ: одинъ слушатель говоритъ, что «лекціи Филомафитскаго состояли изъ простыхъ безыскусственныхъ разсказовъ, въ которыхъ профессоръ не слѣдовалъ ни одному изъ изданныхъ руководствъ, и записывались обыкновенно студентами, которые по нимъ же и готовились къ своимъ экзаменамъ. Историческія свѣдѣнія Филомафитскаго, или же по крайней мѣрѣ его лекціи, не шли дальше Миллота, Роллена и другихъ застарѣлыхъ французскихъ писателей, труды которыхъ переведены были въ свое время на русскій языкъ. Преподаваніе Филомафитскаго, ограничиваясь только фактическою частью исторіи и тѣсными рамками учебнаго руководства по статистикѣ, бывъ иногда занимательно, вообще представлялось крайне неудовлетворительнымъ для его слушателей. Изъ его аудиторіи мы не вынесли основательнаго знанія ни того, ни другого предмета». По показанію еще одного слушателя, Филомафитскій читалъ всеобщую исторію по Миллоту, котораго обыкновенно и несъ съ собою подъ мышкой; но читаемое по книгѣ умѣлъ обращать въ собственный медленный разсказъ». С. Л. Геевскій въ свою очередь такъ описываетъ впечатлѣніе отъ лекціи Филомафитскаго: «я вошелъ въ аудиторію съ какимъ-то необъяснимымъ трепетомъ; мнѣ казалось, что профессоръ, который явится, есть что-то сверхъестественное; ничуть не бывало: черезъ $\frac{1}{4}$ часа вошелъ въ аудиторію толстый челоѡкъ, довольно большого роста, взомель на кафедру, сказалъ нѣсколько привѣтственныхъ словъ и потомъ началъ говорить о значеніи и важности исторіи, историческихъ источникахъ, способахъ изложенія и т. п., что было мнѣ извѣстно изъ разныхъ книгъ еще въ Полтавѣ». Впрочемъ, на слушателей Филомафитскій оказывалъ благотворное вліяніе, и вѣсть о его кончинѣ произвела на г. Геевскаго сильное впечатлѣніе, выразившееся въ горячихъ слезахъ и тепломъ отзывѣ: «Въ лекціяхъ *многіе* изъ насъ находили жизнь или, правильнѣе сказать, самыя лекціи считали жизнью. На скамейкѣ аудиторіи, окруженный товарищами, я съ жадностью ловилъ каждое слово профессора... я готовъ былъ разрѣзать руку и кровью своею написать клятву, что если буду полководцемъ, судьей, правителемъ, господиномъ, то на благо общее: слава родины, честь имени и совѣсть будутъ руководителями моими». Официально Филомафитскій, объясняя «особенности древнихъ и новыхъ историковъ», отсылалъ своихъ слушателей къ руководству Шлепера и Кайданова и *собственному* руководству, одобренному начальствомъ, но

это руководство до насъ не дошло и, вѣроятно, было записками, составленными слушателями. Однако не на научныхъ трудахъ основывается значеніе Е. М. Филомафитскаго въ жизни Харьковскаго университета. Онъ оставилъ болѣе видный слѣдъ въ качествѣ редактора-издателя Украинскаго Вѣстника, который выходилъ 4 года—съ 1816 г. по 1819 годъ. Въ 1816 году въ изданіи этого журнала, кромѣ Филомафитскаго, принимали участіе Григорій Квитка и Разумникъ Гонорскій; въ 1817-1818 году только послѣдній, а въ 1819 году издателемъ остался одинъ Филомафитскій. Въ концѣ каждого мѣсяца выходила книжка; три книжки составляли часть; всего вышло 16 частей, составляющихъ въ общей сложности 6241 стр. въ 12 долю листа. Программа журнала распадается на 4 отдѣла: I «Науки и Искусства»; II «Изящная Словесность» (въ двухъ подраздѣленіяхъ: а) «Проза»; б) «Стихотворенія»); III «Харьковскія Записки» и IV «Смѣсь». Въ то время какъ первый отдѣлъ имѣлъ цѣлью дать взрослымъ «познанія, необходимыя для жизни», второй желалъ доставить «полезное и пріятное чтеніе дѣтямъ»; въ третьемъ сообщались данныя о Харьковскомъ университетѣ, Филотехническомъ Обществѣ, Обществѣ Наукъ, Обществѣ Благотворенія, Харьковскомъ театрѣ, тогда какъ четвертый отводился мелкимъ замѣткамъ по различнымъ поводамъ и отмѣчалъ выходящія въ Харьковѣ книги. Кромѣ того, издатели, «взявъ на себя обязанность быть посредниками между благотворителями и несчастными, общали съ особымъ удовольствіемъ и благодарностью помѣщать извѣстія о нуждающихся и доставлять имъ пособія по назначенію благотворителей».

Изданіе пользовалось поддержкой мѣстныхъ литераторовъ и ученыхъ; книжки составлялись довольно разнообразно; подписчики со второго же года доставили небольшой доходъ. Словомъ, можно было ожидать дальнѣйшаго роста изданія, но реакція сдѣлала журналъ желѣзными обручами цензурныхъ замѣчаній и сдѣлала невозможнымъ его дальнѣйшее существованіе. Послѣ цѣлаго ряда такихъ замѣчаній, 24 декабря 1819 года министерство народнаго просвѣщенія подняло вопросъ: «не слѣдуетъ ли вовсе не допускать Украинскій Вѣстникъ къ печатанію или лучше прекратить его немедленно». Первая книжка на 1820 годъ была дѣйствительно задержана и не вышла въ свѣтъ, а Филомафитскій отказался отъ продолженія изданія, причинявшаго столько хлопотъ и нареканій. Такимъ образомъ Украинскій Вѣстникъ прекратилъ существованіе, но въ бумагахъ Филомафитскаго имѣется указаніе, что онъ имѣлъ намѣреніе передать свое изданіе университету, который не прочь былъ взяться за это дѣло: въ 1823 г. сталъ выходить издаваемый университетомъ Украинскій Журналъ, въ которомъ Филомафитскій сотрудничалъ и принималъ участіе въ редакціонныхъ работахъ. Знакомство съ французской литературой, неболь-

шой поэтической талант, отзывчивость на современные запросы, близость къ мистическому направлению — сдѣлали изъ Филомафитскаго не кабинетнаго ученаго, а литературнаго дѣятеля, оставившаго послѣ себя довольно замѣтный слѣдъ.

- Ученые и литературные труды Е. М. Филомафитскаго:* 1) Хоръ на прїѣздъ въ Ярославль Ихъ Императорскихъ Высочествъ, Великой Княгини Екатерины Павловны и супруга Ея Георга, принца Гольштейнъ-Ольденбургскаго. М. 1811 in 4^о 2 стр.; 2) Ода на торжество 25 декабря 1814 г. при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ. Х. 1815 г. in 4^о 11 стр. Кромѣ того, въ *Украинскомъ Вѣстникѣ* имъ напечатаны: 3) „Къ Б-д-н-с-к-му“ (Укр. Вѣст. 1816 г., ч. I, стр. 46—48); 4) Къ П. И. Д-ву (ib., стр. 224—227); 5) „Къ Валгію“ (пер. 9 оды 11 кн. Горация, ib., стр. 348—349); 6) „Къ Манлію Торквату“ (пер. IV кн. 7 оды Горация, ib., часть II, стр. 78—79); 7) „Къ Д. М. Г-овой“ (ib. стр. 213—215); 8) „Къ Секетію“ (пер. кн. I оды 4 Горация ib. часть III стр. 75—77); 9) „Рондо: Кто истинный герой?“ (ib. стр. 206—208); 10) Къ Цестію, вольное подражаніе Горацию (ib. 1817 г. ч. V стр. 193—194); 11) „Женидба нынѣшняго свѣта“ пер. съ французскаго (ib. ч. VI стр. 242—243); 12) „Къ Августу“ (пер. IV кн. оды 5 Горация ib. 1818 г. часть IX стр. 319—321); 13) „Къ кораблю“ (подр. Горацию I кн. оды 3 ib. ч. X стр. 216—219); 14) „Римъ“ (подр. лат. ib. часть XI стр. 101—103); 15) „Псаломъ 51“ (ib. 1819 ч. XV стр. 328—330); 16) „Осенній листь“ (пер. съ фр. ib. часть XVI стр. 240). Кромѣ стихотвореній, Филомафитскому принадлежать слѣдующія статьи, по преимуществу переводныя: 17) „Три мессинскихъ элегій“ (пер. съ фр. изъ соч. Бартеlemi. Украинскій Вѣстникъ 1816 г. ч. I стр. 324—326; ч. II стр. 185—190); 18) „Юстинъ или добрый братъ“ (повѣсть Бланшара пер. съ фр. ib. ч. I стр. 197—219 и стр. 329—343); 19) „Письма въ Херсонъ, числомъ 9“ (ib. I 1816 г. ч. I стр. 109—119; II стр. 119—129; III стр. 375—387; IV ч. II стр. 359—379; V ib. 1817 года часть V стр. 359—373; VI ч. VII стр. 88—103; VII ч. VII стр. 350—364; VIII ч. VIII стр. 223—230; IX 1818 г. ч. X стр. 17—47); 20) „О Самаріи или показаніе причинъ: отъ чего возродилась и возросла ненависть между іудеями и самарянами“ (пер. съ лат. Украинскій Вѣстникъ 1816 г. ч. III стр. 3—23); 21) „Случай жизни“ (повѣсть ib. 1816 г. ч. III стр. 55—70; ч. IV стр. 198—216; 1817 г. ч. VIII стр. 165—183); 22) „Мелизихтонъ“ (повѣсть Фенелона пер. съ фр. ib. 1816 г. ч. III стр. 194—204); 23) „Безыменные письма“ (повѣсть Б.-де-Баллю, пер. съ фр. ib. 1816 г. ч. IV стр. 320—334); 24) „Рѣчь при погребеніи кандидата Гринева“ (ib. 1816 г. ч. IV стр. 113—123); 25) „Лелій или мысли Цицерона о дружествѣ“ (пер. съ лат. ib. 1817 г. ч. V стр. 3—36 и стр. 257—307); 26) „Нѣчто объ арабахъ“ (изъ Шатобріана, пер. съ фр. ib. 1817 г. ч. VII стр. 30—37); 27) „Катакомбы“ (изъ Жуи пер. съ фр. ib. 1817 г. ч. VII стр. 38—52); 28) „Странное приключеніе, однакожъ истинно случившееся въ Пуловѣ“ (ib. 1817 г. ч. VII стр. 53—61); 29) „Отрывки изъ книги: Путешествіе въ Іерусалимъ Шатобріана“ (пер. съ фр. ib. 1817 г. ч. VII стр. 306—327 и 1818 г. ч. IX стр. 50—66); 30) „Двѣ лицемѣрки“ (повѣсть Б.-де-Баллю, пер. съ франц. ib. 1818 г. ч. IX стр. 67—80 и 297—307); 31) „Четыре письма Младшаго Плинія“ (пер. съ лат. ib. 1818 г. ч. XI стр. 73—86); 32) „Гигесово кольцо“ (повѣсть Фенелона пер. съ фр. ib. 1818 г. ч. XII стр. 197—214); 33) „Обозрѣніе пуническихъ войнъ“ (ib. 1819 г. ч. XIII стр. 3—27 и 274—319); 34) „Канарейка Жанъ-Жака Руссо“ (повѣсть, пер. съ франц. ib. 1819 г. XIII стр. 52—83); 35) „Рѣчь на погребеніи профессора Ванотти“ (ib. 1819 г. ч. XIII стр. 221—228); 36) „Отрывки изъ сочиненій г-жи Сталь“ (пер. съ фр. ib. 1819 г. ч. XV стр. 31—48);

37) Нѣсколько писемъ Павла Минуція (пер. съ лат. ib. 1819 г. ч. XV стр. 312—325); 38) „Жизнеописаніе Р. Гонорскаго“ (ib. 1819 г. XV стр. 244—252); 39) „Взглядъ на состояніе художествъ въ Россіи“ (ib. 1819 г. ч. XVI стр. 253—279); 40) „Словарь людей большого свѣта“ (пер. съ фр. ib. 1819 г. ч. XVI стр. 194—207); 41) „Одинъ изъ моихъ дней на берегахъ рѣки Оrenoко (изъ Жуи пер. съ фр. ib. 1819 г. ч. XVI стр. 306—320); 42) „Мысли и замѣчанія“ (пер. съ фр. ib. 1819 г. ч. XV стр. 366—371); 43) „Долина Иосафатова“ (изъ Шатобріана пер. съ фр. ib. 1817 г. ч. VI стр. 211—215).

По прекращеніи „Украинскаго Вѣстника“ Филомафитскій помѣстилъ въ „Украинскомъ Журналѣ“: 44) „Молодой философъ и молодая философка“ (повѣсть пер. съ фр. Украинскій Журналъ 1824 г. ч. IV стр. 17—40); 45) Искусство „убивать время“ (пер. съ франц. изъ Жуи ib. 1827 г. ч. II стр. 172—184); 46) „До какой степени можетъ простираться вліяніе училищъ на образованіе народнаго духа (пер. съ пол. соч. Voigt Украинскій Журналъ 1824 г. ч. I стр. 151—168); 47) „О бюстѣ Императора Александра I работы Торвальдсена (ib. 1825 г. ч. VI стр. 31—38).

Болѣ „научнымъ“ характеромъ отличаются: 48) *Dissertatio de genuina scriptorum Romanorum elegantia deque usu et utilitate linguam addiscendi latinam pro gradu magistri artium et disciplinarum liberalium obtinendo conscripta. Charcowiae 1816. 40 стр. in 12°.* 49) Опытъ по двумъ способамъ (аналитическому и синтетическому) судить и отбѣивать по достоинству эстетическія произведенія какъ древнихъ, такъ и новыхъ стихотворцевъ. (Пробная лекція изъ заданное предложеніе отъ словеснаго отдѣленія при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ, читанная по случаю магистерскаго экзамена. Украинскій Вѣстникъ 1816 г. ч. III стр. 137—172 и 249—306); 50) „О знакахъ препианія вообще и въ особенности для Россійской словесности. (См. Труды Общества Любителей Русской Словесности, при Московскомъ университетѣ состоящаго, часть 2. Москва 1822 г. стр. 72—134); 51) Объ истинной цѣли образованія челоѣка посредствомъ наукъ и изящныхъ искусствъ въ училищахъ общественныхъ и домашнихъ (рѣчь. См. Рѣчи, произнесенныя въ торжественномъ собраніи Императорскаго Харьковскаго университета 30 августа 1821 г. X. 1821 г. стр. 29—43); 52) *Virgilii Maronis orega* (изданіе для гимназій, за которымъ Филомафитскій наблюдалъ по порученію Харьковскаго университета. Харьковъ 1818 г.).

А. С. Вязигинъ.

Цыхъ Владиміръ Францовичъ, сынъ майора, по происхожденію «сербъ» (Д. П. Хрущовъ), православный, родился въ Харьковской губерніи въ 1805 г. Окончивъ екатеринославскую гимназію (1822 г.), онъ поступилъ въ своекоштные студенты Харьковскаго университета по словесному факультету и получилъ въ 1825 г. степень кандидата. Отказавшись ѣхать въ Дерптъ для вступленія въ профессорскій институтъ, Цыхъ въ томъ же 1825 г. былъ назначенъ старшимъ учителемъ исторіи въ Харьковскій институтъ благородныхъ дѣвицъ, но уже въ 1831 г. былъ приглашенъ, какъ «человѣкъ достойный сего званія», преподавать всеобщую исторію въ Харьковскомъ университетѣ. Одновременно Цыхъ былъ опредѣленъ инспекторомъ классовъ въ институтѣ, но, какъ челоѣкъ глубоко-преданный наукѣ, сложилъ въ 1832 году эту должность, сосредоточивъ свои силы

на научныхъ занятіяхъ, которыя привели къ защитѣ диссертациі (1833 г.) на степень магистра всеобщей исторіи и доставили ему званіе адъюнкта. Молодой ученый представлялъ крупную научную силу и былъ приглашенъ въ 1834 г. на кафедру всеобщей исторіи въ Кіевскій университетъ, бывъ предпочтенъ Н. В. Гоголю. Переводъ въ Кіевъ принесъ Цыху званіе экстраординарнаго профессора, а его дальнѣйшая дѣятельность послужила одной изъ яркихъ, хотя и краткихъ, страницъ исторіи университета св. Владиміра.—Въ Харьковѣ Цыхъ не несъ никакихъ должностей по университету и былъ только въ 1833 г. командированъ сопровождать студентовъ, отправленныхъ совѣтомъ для вступленія въ профессорскій институтъ.

Работы и дарованія Цыха обратили на него вниманіе еще на студенческой скамьѣ, и онъ выступилъ на торжественномъ актѣ 30 іюня 1824 г. съ «Посланиемъ къ С. К.», а на торжественномъ собраніи 30 іюня 1825 г. прочиталъ рѣчь на латинскомъ языкѣ: «О поэзіи римской». Кромѣ этихъ произведеній въ «Украинскомъ Журналѣ» помѣщены его статьи: «Титъ Ливій; съ присовокупленіемъ отрывка изъ его исторіи» (Укр. Жур. 1824 г., ч. II, с. 224—234; 279—293), «Рѣчь Кая Марія къ римскому народу» (пер. съ лат. изъ Криспа Саллюстія *Bellum Jugurthinum*, ib., ч. III, с. 115—123) и «Нѣсколько словъ о величіи духа» (ibid. 1825 г., ч. VII, с. 223—229). Уже въ этихъ работахъ видно хорошее знаніе латинскаго языка, литературный навыкъ и научная подготовка. Несравненно важнѣе, конечно, его болѣе крупныя работы: «О способѣ преподаванія исторіи» (магист. дис., вышла въ свѣтъ въ Харьковѣ въ 1835 г.), «Объ эллинско-македонскомъ періодѣ» (Жур. Мин. Нар. Просв. 1835 г.) и рѣчь «О цѣли и пользѣ высшихъ учебныхъ заведеній» (см. записки и рѣчи, читанныя при открытіи (15 іюля 1834 г.) Императорскаго университета св. Владиміра. Кіевъ 1840 г. посмер. изданіе). Оцѣнка этихъ трудовъ, обнародованныхъ Цыхомъ уже въ качествѣ Кіевского профессора, обстоятельно и правильно сдѣлана проф. О. Я. Фортинскимъ въ словарѣ профессоровъ и преподавателей университета св. Владиміра. Несомнѣнно, Цыхъ представлялъ выдающагося работника, самостоятельнаго, добросовѣстнаго, съ широкимъ пониманіемъ исторіи и рѣдкимъ умѣніемъ передавать другимъ свои знанія. Правда, Н. И. Костомаровъ даетъ такой отзывъ о Цыхѣ, котораго онъ слушалъ: «осенью 1833 г. онъ читалъ древнюю исторію по Геерену и почти не прибавлялъ къ ней ничего своего». Другіе же слушатели Цыха даютъ объ его преподаваніи буквально восторженные отзывы, такъ: г. Н., имѣвшій возможность сравнить Цыха, «слушая его, къ сожалѣнію, не болѣе года», съ его предшественникомъ, пишетъ: «только со вступленіемъ на кафедру Цыха поняли мы истинное научное значеніе исторіи.

Даровитый профессоръ, увлекаая слушателей своими лекціями, знакомилъ насъ съ трудами и изслѣдованіями современныхъ писателей — Геерена, Гердера, Нибура, Галлама, Тьерри, Гизо и другихъ. Съ ясностью и отчетливостью, хотя кратко и сжато, излагалъ онъ фактическую часть исторіи; но въ то же время со всею полнотою и подробностью слѣдилъ за развитіемъ внутренней жизни народовъ, ихъ общественнаго быта и цивилизаціи. Даже будучи уже преподавателемъ исторіи, г. Н. пользовался его лекціями, доставая ихъ у студентовъ, которые весьма тщательно ихъ записывали и потомъ исправляли подъ руководствомъ самого профессора». Эти записки не дошли до насъ, а потому нѣтъ возможности оцѣнить самостоятельность Цыха, какъ преподавателя. Во всякомъ случаѣ, онъ зорко слѣдилъ за новинками западно-европейской науки и, повидимому, клалъ въ основу чтенія знаменитаго Гизо, котораго онъ рекомендовалъ студентамъ, какъ сообщаетъ Д. П. Хрущовъ. Равнымъ образомъ и Геевскій, работавшій подъ руководствомъ Цыха, прямо указываетъ на сочиненія этого французскаго историка, какъ на источникъ идей, проводимыхъ имъ въ разсужденіи, написанномъ на французскомъ языкѣ: «De la nécessité des revolutions dans la vie du genre humaine». Тотъ же Геевскій свидѣтельствуетъ, что Цыхъ былъ идоломъ студентовъ: это былъ въ полномъ смыслѣ европейскій профессоръ по глубинѣ своихъ познаній, мастерскому изложенію лекцій и удивительной памяти — онъ читалъ всегда безъ тетради». Д. П. Хрущовъ также отмѣчаетъ, что «любимецъ нашъ» Цыхъ, приходя въ аудиторію, никогда не входилъ на кафедру, а говорилъ лекціи наизусть, ходя взадъ и впередъ и безпрестанно нюхая табакъ, коимъ къ концу лекцій была запылена вся передняя часть его панталонъ». Сохранившіеся показанія студентовъ единогласно свидѣлствуютъ о любви Цыха къ молодежи, сердечномъ отношеніи, взаимно установившемся между обѣими сторонами, о живой и глубокой признательности, которую къ нему питали спустя даже много лѣтъ. Окруженный всеобщимъ уваженіемъ и славой ученаго, Цыхъ производилъ на студентовъ глубокое и благородное воздѣйствіе. Въ его лицѣ счастливо сочетались всѣ качества, необходимыя для университетскаго преподавателя, и онъ былъ хотя и начинающимъ, но первымъ выдающимся представителемъ кафедры всеобщей исторіи послѣ открытія Харьковскаго университета.

А. С. Вязигинъ.

Лунинъ Михайлъ Михайловичъ¹⁾. Преемникомъ Цыха на кафедрѣ всеобщей исторіи явился памятный въ преданіяхъ Харьковскаго универ-

¹⁾ Болѣе подробная біографія и характеристика Лунина напечатана мною въ Журн. Мин. Нар. Пр., 1905, февраль (есть отдѣльные оттиски).

ситета *Михаилъ Михайловичъ Лунинъ*, бывшій для этого университета тѣмъ, чѣмъ для Московскаго были Грановскій и Кудрявцевъ, его младшіе современники. По отзыву Костомарова, ученика Лунина, это «былъ, безспорно, одинъ изъ лучшихъ преподавателей всеобщей исторіи, какіе когда-либо являлись въ нашихъ университетахъ»¹⁾. Другой слушатель Лунина, Де-Пуле, называетъ его и Валицкаго «звѣздами первой величины на небосклонѣ Харьковскаго университета» того времени и, подобно Костомарову, говоритъ, что проф. Лунинъ былъ бы изъ первыхъ въ любомъ русскомъ университетѣ; «въ исторіи Харьковскаго университета... имя его должно занять передовыя страницы»²⁾. А. И. Палюмбецкій отзывался о Лунинѣ, какъ о чловѣкѣ необыкновенномъ³⁾. Къ сожалѣнію, мы располагаемъ лишь скудными біографическими данными относительно этой замѣчательной личности.

М. М. Лунинъ—уроженецъ Прибалтійскаго края. Онъ родился въ 1806 или 1807 г.⁴⁾ и происходилъ изъ купеческаго званія; его отцу принадлежала фабрика и лавка въ Дерптѣ. Лунинъ окончилъ курсъ въ Дерптскомъ (нынѣшнемъ Юрьевскомъ) университетѣ въ 1828 г. со степенью кандидата; въ 1829 г. принятъ былъ на службу въ департаментъ разныхъ податей и сборовъ въ число канцелярскихъ чиновниковъ, но вскорѣ, въ томъ же 1829 г., уволенъ согласно прошенію—«для опредѣленія къ другимъ дѣламъ», какъ значится въ выданномъ ему департаментомъ аттестатѣ, и по Высочайшему повелѣнію въ іюлѣ 1830 г. поступилъ въ Профессорскій Институтъ, учрежденный при Дерптскомъ университетѣ. 25 января 1833 г. Лунинъ, по защитѣ диссертациі (Prolegomena ad res Achaearum...), утвержденъ былъ въ степени доктора философіи и затѣмъ отправленъ въ Берлинъ «для окончательнаго усовершенствованія въ наукахъ». По возвращеніи оттуда, въ іюлѣ 1835 г., онъ назначенъ былъ преподавателемъ всеобщей исторіи въ Харьковскій университетъ; въ 1837 г. утвержденъ экстраординарнымъ профессоромъ, а въ 1838 г.—ординарнымъ. Въ теченіе 4 лѣтъ (1839—42) Лунинъ состоялъ членомъ временнаго испытательнаго комитета для экзаменованія желающихъ поступить въ университетъ⁵⁾.

1) Литературн. наслѣдіе. Спб. 1890, стр. 22.

2) Харьковск. унив. и Д. И. Каченовскій.—Культурный очеркъ и воспоминанія изъ 40-хъ годовъ (Вѣстн. Евр., 1874, янв.), стр. 88, 90, 93.

3) По словамъ Г. С. Чирикова (см. его бумаги).

4) Въ формулярѣ 1842 г. ему значится 35 л., а въ формулярѣ 1844 г.—38.

5) Заслуживаетъ быть отмѣченнымъ, что Копенгагенское Общество свѣрхныхъ антикваріевъ избрало Лунина своимъ членомъ.

Лунинъ читалъ преимущественно древнюю и среднюю исторію какъ студентамъ словеснаго, такъ и этико-политическаго отдѣленія, первые годы—по «руководству Герена» и «де-Мишеля» (какъ значится въ обзорѣ преподаванія), а потомъ—по крайней мѣрѣ, исторію народовъ въ древности—по *собственнымъ запискамъ*, составленнымъ по лучшимъ иностраннымъ авторамъ, равно какъ и по *самымъ источникамъ*. Новую исторію Лунинъ читалъ рѣже. Кромѣ чтенія лекцій, онъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ (напр. въ 1839/40 и 1840/1 акад. годахъ) велъ и практическія занятія въ такъ называемомъ Педагогическомъ Институтѣ, занимаясь разсмотрѣніемъ разсужденій на заданныя темы, наблюденіемъ за ходомъ занятій студентовъ и чтеніемъ съ ними сочиненій.

Профессорская дѣятельность Лунина продолжалась всего 9 лѣтъ, съ 1835 года по 1844 годъ: онъ умеръ, не имѣя и 40 лѣтъ отъ роду. Еще въ іюнѣ 1843 года онъ началъ страдать тяжелою болѣзнію и въ маѣ 1844 года отправился за границу, въ Карлсбадъ, для поправленія разстроеннаго здоровья, а вмѣстѣ съ тѣмъ—и съ ученою цѣлью: онъ предполагалъ заѣхать въ Берлинъ и «воспользоваться всѣмъ, что при обширныхъ средствахъ прусской столицы могло быть полезнымъ для его науки—всеобщей исторіи»¹⁾. Но на возвратномъ пути, въ концѣ сентября, Лунинъ принужденъ былъ остановиться въ Кіевѣ, такъ какъ не въ состояніи былъ ѣхать далѣе, а 14 октября 1844 г. онъ умеръ и погребенъ на Старо-Кіевскомъ кладбищѣ. Смерть его, какъ значится въ свидѣтельствѣ, послѣдовала отъ рака въ желудкѣ.

Въ общемъ печатные труды Лунина немногочисленны и, по отзыву современниковъ и слушателей его, не даютъ о немъ полнаго понятія: это понятіе могли бы дать только его лекціи, составлявшія главный трудъ его жизни. На этотъ счетъ свидѣтельства единогласны. По словамъ Костомарова, «лекціи Лунина по древней исторіи, и преимущественно Востока, и по средней исторіи, особенно лекціи о распространеніи христіанства и о борьбѣ его съ язычествомъ,—были столько же глубокомысленны, какъ и увлекательны»²⁾. «Лунинъ»,—говоритъ Де-Пуле, слушавшій Лунина и имѣвшій въ рукахъ наброски его лекцій,—«задался мыслью составить на русскомъ языкѣ обширный курсъ всеобщей исторіи, древней, средней и новой; по крайней мѣрѣ, каждую изъ этихъ частей онъ обрабатывалъ въ такихъ громадныхъ размѣрахъ, которые совѣмъ выходили изъ рамокъ студенческаго курса. Трудился онъ неутомимо во все время своего профессорства, но успѣлъ окончить, сколько помнится, изъ древ-

¹⁾ См. его прошеніе.

²⁾ Литер. насл., стр. 22.

ней исторіи до Пуническихъ войнъ, изъ средней—крестовыми походами, а изъ новой—Вестфальскимъ миромъ». «Лунинъ не былъ ораторомъ; лекціи свои профессоръ читалъ по тетрадямъ; читалъ довольно монотонно и нѣсколько искусственно, слабымъ голосомъ чахоточнаго чело-вѣка; но этотъ голосъ повышался и привлекалъ къ себѣ вниманіе слушателей, по мѣрѣ того какъ оживлялся самъ лекторъ» (стр. 88). «Содержаніе лунинскихъ лекцій до такой степени было полно»,—продолжаетъ Де-Пуле,—«что историческія произведенія московскихъ ученыхъ, явившіяся позднѣе, для учениковъ Лунина не представляли ничего особеннаго. Все написанное Лунинымъ могло бы составить 3—4 большихъ тома, листовъ въ 40 каждый» (стр. 89). Общее убѣжденіе было, что его трудъ «составить эпоху въ исторіи русской науки» (стр. 93); что Лунинъ сдѣлался бы «вторымъ Карамзинымъ» (по всеобщей исторіи), если бы не умеръ такъ рано (стр. 113). Лунинъ не успѣлъ самъ издать свои курсы, которые такъ и остались не напечатанными, хотя хорошіе списки ихъ были въ распоряженіи нѣкоторыхъ его слушателей. Одинъ изъ рукописныхъ его курсовъ (начало средней исторіи), благодаря любезности проф. Д. И. Багалѣя, былъ въ нашихъ рукахъ. Лунинъ читалъ преимущественно курсы спеціальные, чрезвычайно подробные¹⁾; такимъ представляется и этотъ курсъ, весьма обстоятельный и содержащій богатый матеріалъ, касающійся разныхъ сторонъ исторической жизни, не одной только вѣтшной. Но слушатели и современники Лунина слишкомъ преувеличивали его значеніе. Курсъ Лунина, по крайней мѣрѣ тотъ, который былъ въ нашемъ распоряженіи, не составилъ бы эпохи въ исторіи науки, какъ они думали; онъ не былъ вполне самостоятеленъ; въ немъ много дословныхъ заимствованій, иногда цѣлыми страницами, изъ Гизо, Гиббона и др. Не пролагая новыхъ путей, курсъ этотъ все-же стоялъ на высотѣ тогдашней науки и по своему содержанію и изложенію во всякомъ случаѣ выдавался.

Обращаясь къ общей характеристикѣ Лунина, какъ историка, ученаго и профессора, слѣдуетъ отмѣтить, что это былъ, несомнѣнно, «истый питомецъ нѣмецкой школы»²⁾, «вооруженный всею современною ученостью», полученною имъ въ германскихъ университетахъ³⁾, чело-вѣкъ науки, терпѣнія и труда, по выраженію Де-Пуле, «не русскаго, тѣмъ менѣе украинскаго» (стр. 113). Какъ въ печатныхъ трудахъ Лунина, такъ и въ его лекціяхъ прежде всего бросается въ глаза его громадная *эрудиція*. Въ основѣ его статей и курсовъ лежатъ не одни пособія, но и источники. Говорили, напр., что для лекцій по исторіи Греціи Лунинъ внимательно

¹⁾ См. Сухомлиновъ, I. с.

²⁾ Сухомлиновъ, I. с.

Костомаровъ, I. с.

перечиталъ всего Пиндара и другихъ поэтовъ, дѣлая на поляхъ свои замѣчанія ¹⁾. Онъ знакомъ былъ со всѣми отдѣлами всеобщей исторіи, хотя, конечно, не въ одинаковой мѣрѣ; знанія его охватывали Востокъ и античный міръ, средніе и новыя вѣка, и это давало ему возможность дѣлать интересныя сравненія и сближенія; притомъ Лунинъ имѣлъ прекрасную филологическую подготовку и хорошо зналъ греческій языкъ, не говоря уже о латинскомъ и новыхъ языкахъ.

Эта эрудиція, тотъ обширный матеріалъ, который вводилъ Лунинъ въ свои статьи и курсы, подавляли бы читателей и слушателей, если бы Лунинъ не обладалъ въ то же время сильною обобщающею мыслью. По своимъ воззрѣніямъ, по своей, такъ сказать, «философіи исторіи», онъ былъ въ значительной мѣрѣ гегелианцемъ. Напр., касаясь утраты итальянскими республиками независимости и превращенія ихъ въ отдѣльныя «единодержавныя государства» (къ концу среднихъ вѣковъ), Лунинъ ссылается на «вышшіе законы *діалектики исторіи*». Въ статьѣ: «Нѣсколько словъ о римской исторіи» общій ходъ исторіи древности объясняется въ сущности съ точки зрѣнія гегелевской философіи исторіи; а въ ст.: «Взглядъ на исторіографію древнѣйшихъ народовъ Востока» Лунинъ не разъ прямо ссылается на Гегеля и не только на его *Vorlesungen über die Philosophie d. Geschichte*, но и на *Vorlesungen über die Aesthetik*.

Лунинъ стремится проникнуть въ основной смыслъ историческаго событія или явленія, въ его основную *идею*; употребляя его собственное выраженіе по поводу перехода отъ среднихъ вѣковъ къ новымъ, онъ, не ограничиваясь внѣшней стороной, внѣшней оболочкой, скрывающей отъ насъ душу, старается проникнуть во внутреннюю сторону новой исторіи, старается заговорить съ нею, сродниться съ ея истинною идеею. Стремленіе къ обобщеніямъ ясно видно въ статьѣ объ Индіи, гдѣ въ началѣ почти каждой главы или отдѣла Лунинъ выставляетъ общій законъ или правило, наблюдаемые или въ исторіи человѣчества, или, по крайней мѣрѣ, въ исторіи индостанскаго народа, и въ дальнѣйшемъ изложеніи эти общія положенія развиваются, подтверждаются и иллюстрируются примѣрами. Но особенно сказывается обобщающая мысль въ «Нѣсколькихъ словахъ о римской исторіи».

На «важный вопросъ: чтó входитъ въ объемъ истинной и полной исторіи?» Лунинъ отвѣчаетъ ²⁾: «По нашему мнѣнію, исторія проникаетъ все: и мраморъ, и холстъ, и пергаментъ, и шелкъ, и домашнюю утварь; ея отголосокъ слышенъ и въ тысячелѣтнихъ сводахъ рыцарскаго замка, и въ развалинахъ древняго Аббатства, и въ гордыхъ стѣнахъ велико-

¹⁾ Сухомлиновъ, I. с.

²⁾ Въ рѣчи о Вальтерѣ Скоттѣ, стр. 14—15.

лѣннаго Ратсгауза; она говоритъ къ намъ въ обломкахъ древней колонны и въ торзѣ Бельведерскаго Геркулеса, и въ застольномъ кубкѣ феодальнаго владѣльца; она отражается и въ картинахъ Джіотто и Альбрехта Дюрера, и въ убогой одеждѣ смиреннаго пильгрима, и въ тяжелыхъ латахъ крестоваго воина: она такъ сказать пытается этою живительною атмосферою,—и въ ней-то *историкъ долженъ отыскивать идею каждой эпохи, преслѣдовать ее и освободить ее отъ разнородныхъ частей*; однимъ словомъ: *внѣшнія формы жизни каждаго человечества, каждаго вѣка, суть только инкарнаціи одной общей идеи, которая условливаетъ эту жизнь*; и безъ знакомства съ этими внѣшними явленіями мы никогда не будемъ въ состояніи постигнуть ихъ творческаго первообраза». «Историкъ»,—говоритъ Лунинъ въ той же рѣчи,—«подобно Іезекиѣлу въ его таинственномъ пророческомъ видѣніи, поставленъ на всемірномъ кладбищѣ минувшихъ поколѣній: предъ нимъ разбросаны полустлѣвшія кости народовъ, скошенныхъ рукою вѣковъ», и по велѣнію историка кости подымутся, образуется остовъ и плоть. Но этого мало: историкъ долженъ вдохнуть въ нихъ душу, и «предъ нимъ толпятся уже народы, цѣлыя царства возстали изъ могильнаго праха. Но здѣсь еще все въ смѣшеніи». И тогда-то «историкъ приступитъ къ великому анализу, отдѣлитъ племя отъ племени, поколѣніе отъ поколѣнія, народъ отъ народа, вѣкъ отъ вѣка...; народы облекутся въ свою отличительную одежду, въ свои отличительныя формы; заговорятъ своимъ языкомъ; вѣка примутъ свою индивидуальную фізіогномію; и духъ времени, идеи и понятія каждаго поколѣнія заквазятъ подъ прозрачною оболочкою; и тогда-то совершится великое воскресеніе!» (стр. 11—12).

Содержанію соотвѣтствовала и внѣшняя форма изложенія: языкъ Лунина обыкновенно выразительный и образный, хотя и не чуждый господствовавшей тогда риторики и высокопарности и далеко не столь легкій и изящный, какъ языкъ Грановскаго.

По своимъ нравственнымъ качествамъ Лунинъ стоялъ чрезвычайно высоко. Всѣ знавшіе его единогласно свидѣтельствуютъ, что это былъ «чистый рыцарь», не стѣнявшійся заявлять свои убѣжденія, человѣкъ рѣдкой честности, безкорыстія и прямоты, идеалистъ, всецѣло преданный наукѣ. «Чистотою и высотой своихъ нравственныхъ достоинствъ Лунинъ»,—замѣчаетъ Де-Пуле,—«напоминалъ собою знаменитаго Московскаго профессора» (Грановскаго), «позже его вступившаго на профессорское поприще и слабѣе его подготовленнаго» (стр. 89). Въ то время Харьковскій университетъ страдалъ язвою пансіонерства: большинство профессоровъ держали студентовъ-пансіонеровъ, что вело къ понятнымъ злоупотребленіямъ. Лунинъ вступилъ въ ожесточенную борьбу противъ пансіонер-

ства и противъ ректора Гулака-Артемовскаго, потворствовавшего злоупотребленіямъ; этимъ онъ нажилъ себѣ много враговъ, тѣмъ болѣе, что человѣкъ онъ былъ довольно рѣзкій и «желчный», не стѣснявшійся въ словахъ и выраженіяхъ¹⁾. Для студентовъ Лунинъ являлся идеаломъ профессора. Правда, и съ ними онъ былъ подчасъ суровъ и всегда требователенъ, но это не мѣшало имъ относиться къ нему съ уваженіемъ и даже благоговѣніемъ. Записки Лунина собирались и бережно хранились, и на Украинѣ еще нѣсколько десятковъ лѣтъ спустя послѣ его смерти не въ одномъ семействѣ можно было встрѣтить эти записки²⁾.

Понятно, какое облагораживающее, просвѣтительное вліяніе оказывалъ Лунинъ на молодежь и какъ долженъ былъ привлекать даровитыя силы къ занятію исторіей. Костомаровъ свидѣтельствуетъ, что лекціи этого профессора оказали на него громадное вліяніе и произвели въ его духовной жизни рѣшительный переворотъ: «я»,—говоритъ онъ,—«полюбилъ исторію болѣе всего и съ тѣхъ поръ съ жаромъ предался чтенію и изученію историческихъ книгъ» (стр. 22).

О Лунинѣ см. упомянутыя уже выше: «Автобіографію» *Костомарова*, ст. *Де-Пуле*, *Сухомлинова*, *Бузескула*, рукописныя «воспоминанія» *В. Паикова* («Идеализмъ и идеалисты сороковыхъ годовъ»)³⁾, краткій некрологъ Лунина, напечатанный *А. П. Рославскимъ-Петровскимъ* въ прибавл. къ Харьк. Вѣдом. 1844 г., 18 ноября, № 46; бумаги *Чурикова* и дѣла университетскаго архива.

Печатные труды Лунина: 1) Диссертація на степень доктора, на латинскомъ языкѣ: *Prolegomena ad res Achaeorum quibus mythica Argolidis historiae primordia breviter adumbrantur*. Dorp. 1832. Большая часть ея посвящена вопросу о пеласагахъ. Авторъ касается мѣстожительства пеласговъ, при чемъ древѣйшимъ мѣстопробываніемъ ихъ въ Греціи признаетъ Аргolidу, и затѣмъ говоритъ объ ихъ происхожденіи. Господство пеласговъ въ Аргolidѣ, по его мнѣнію, относится къ тому времени, когда Египетъ былъ подъ властью гиксовъ, и Лунинъ высказываетъ гипотезу, что пеласги были колонистами, выселившимися изъ Египта при содѣйствіи финикійцевъ, приводя въ подтвержденіе этой гипотезы генеалогію и имена царей аргосскихъ, а также нѣкоторые мифы, напр. объ Іо, которую онъ сопоставляетъ съ Изидой. Гипотеза Лунина съ точки зрѣнія современной науки, конечно, оказывается несостоятельной; но важно то, что Лунинъ признавалъ и доказывалъ связь древне-греческой исторіи и культуры съ Египтомъ и Востокомъ вообще; онъ какъ бы предполагалъ кое-что о той микенской эпохѣ, которую открыли намъ новѣйшія раскопки. 2) „Переходъ средней исторіи къ новой и значеніе сей послѣдней“. Это—пробная лекція, читанная Лунинымъ въ Харьковскомъ университетѣ 18 іюля 1835 г. и напечатанная въ Журн. Мин. Нар. Просв. (1835, іюль). Лунинъ отмѣчаетъ общія при-

¹⁾ Де-Пуле, стр. 91.

²⁾ Де-Пуле, стр. 93.

³⁾ За предоставленіе мнѣ этой рукописи, равно какъ и курсовъ Лунина, приношу искреннюю благодарность глубокоуважаемому товарищу Д. И. Багалѣю.

чины упадка ленной системы въ Европѣ, затѣмъ разбираетъ „каждое государство порознь“, слѣдя за паденіемъ феодализма и развитіемъ центральной власти, потомъ бросаетъ взглядъ на духовную власть римскихъ папъ въ средніе вѣка, характеризуетъ состояніе Европы въ концѣ XV ст. и, наконецъ, обозначаетъ границы новой исторіи и старается постигнуть ея истинную идею и значеніе, отмѣчая тѣ формы, въ которыхъ проявлялась эта идея. 3) Актовая рѣчь: „О вліяніи Вальтера Скотта на новѣйшія изысканія по части средней исторіи“, произнесенная въ торжественномъ собраніи университета 30 августа 1836 г.¹⁾, чрезвычайно содержательная и состоящая изъ 2 отдѣловъ: въ первомъ мы находимъ очеркъ историческихъ школъ Западной Европы съ конца XV ст. до XIX, а второй отдѣлъ особенно любопытенъ: въ немъ Лунинъ высказываетъ свой взглядъ на исторію, на то, что составляетъ ея содержаніе, и затѣмъ говоритъ о заслугахъ Вальтера Скотта, „который первый вывелъ на сцену разнородныя племена, постепенное сліяніе которыхъ въ теченіи времени образовало великія націи Европы, и вслѣдствіе этого разложенія показалъ намъ совершенно новый міръ причинъ и побужденій, условливавшихъ въ продолженіе вѣковъ борьбу основныхъ частей этихъ великихъ массъ и породившихъ постепенно политическія и нравственныя явленія западной цивилизаціи“. 4) Большая (особенно по тому времени) статья, свидѣтельствующая объ эрудиціи Лунина и объ его широкихъ познаніяхъ въ разныхъ отдѣлахъ исторіи, подъ заглавіемъ: „Индіа. Взглядъ на жизнь индостанскаго народа“ (Журн. Мин. Нар. Просв., 1837, іюль, стр. 1—86). Начинается она подробнымъ „географическимъ обзорѣмъ Индостана“, затѣмъ слѣдуютъ: „Элементы народонаселенія“, „Постепенное происхожденіе кастъ.—Священная литература Индіи“, „Отношеніе кастъ“, „Іерархическая архитектура.—Религіозныя памятники Индостана“; статья заканчивается „Взглядомъ на политическую исторію Индіи“. 5) Другая, тоже обширная статья, посвященная Востоку, — „Взглядъ на исторіографію древнѣйшихъ народовъ Востока“ (Москвитянинъ, 1842, ч. IV—V; помѣчена еще авг. 1839 г.). Здѣсь, послѣ вступительныхъ замѣчаній о названіи „исторіа“ и другихъ сродныхъ, Лунинъ даетъ общую характеристику восточной исторіографіи, а затѣмъ рассматриваетъ историческія произведенія Китая, Индіи и Персіи, въ связи съ исторіей и характеромъ народа; статья эта, носящая специальный характеръ, по словамъ М. И. Сухомлинова, особенно цѣнилась въ свое время²⁾; но написана она тяжело и по обработкѣ, изложенію и языку значительно уступаетъ другимъ. 6) „Нѣсколько словъ о римской исторіи“ (Москвитянинъ, 1841, ч. V)—едва ли не самое замѣчательное произведеніе Лунина изъ его печатныхъ работъ по силѣ обобщающей мысли, по образности языка и воодушевленію. На 18 страницахъ Лунинъ даетъ здѣсь въ сущности очеркъ всей исторіи древности, опредѣляетъ основной ходъ и смыслъ исторіи Востока, Греціи и Рима, отмѣчаетъ темныя и свѣтлыя стороны послѣдняго и то, что внесъ онъ въ исторію человѣчества.

В. П. Бузескулъ.

¹⁾ Намеч. въ собр. „Рѣчей, произнесен. въ торж. собр. Имп. Харьк. унив. 30 авг. 1836“. Харьк. 1836.

²⁾ Уничтоженіе диссер. Н. И. Костомарова (Древн. и Нов. Россія, 1877, т. I).

Сливицкій Иванъ Алексѣевичъ, изъ дворянъ, родился около 1808 г.; происходи отъ недостаточныхъ родителей, получилъ образованіе въ Харьковской гимназіи и, по собственному признанію, «не имѣя нужныхъ учебныхъ пособій, неуспынными трудами стяжалъ то, что при достаточныхъ средствахъ доставляется объясненіемъ наставника или указаніемъ хорошаго руководства». Поступивъ въ Харьковскій университетъ, Сливицкій добывалъ себѣ «содержаніе и квартиру» уроками, которые не помѣшали ему окончить этико-политическій факультетъ со степенью кандидата (2 сентября 1828 г.). По окончаніи курса Сливицкій не поѣхалъ въ Дерптъ, куда его хотѣлъ послать для приготовленія къ профессорскому званію юридическій факультетъ, а занялъ мѣсто преподавателя ариметики и русской грамматики (1828 г. 7 октября) въ Харьковскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ, а затѣмъ (съ 11 декабря 1830 г.) учителя историческихъ наукъ въ томъ же заведеніи, достигнувъ (27 февраля 1835 года) въ немъ должности инспектора классовъ.

28 апрѣля 1838 года, съ разрѣшенія г. министра народнаго просвѣщенія, кандидатъ Сливицкій былъ допущенъ къ исправленію должности адъюнкта при Харьковскомъ университетѣ по кафедрѣ всеобщей исторіи, такъ какъ онъ сдалъ устное (31 іюля 1837 г.) и письменное (1 сентября 1837 г.) «испытанія на степень магистра политическихъ наукъ, но не былъ еще утвержденъ въ семъ званіи по незащищенію публично диссертациі». Сливицкій вскорѣ послѣ назначенія представилъ въ рукописи «огромную» диссертацию съ цѣлью полученія за оную степени доктора безъ экзамена. Но на засѣданіи 13 декабря 1838 г. профессора Протопоповъ, Якимовъ, Лунинъ и Гулакъ-Артемовскій объявили, что сказанной диссертациі вовсе не одобряютъ, тогда какъ профессоръ Валицкій высказалъ одобреніе только «второй половинѣ оной». На основаніи этихъ мнѣній первое отдѣленіе философскаго факультета положило считать представленную Сливицкимъ диссертацию «не могущею дать право на степень доктора». Но уже 10 мая 1839 г. Сливицкій защитилъ диссертацию, найденную, по большинству голосовъ, первымъ отдѣленіемъ философскаго факультета достойной одобренія: «О вліяніи колоній на политическіе перевороты въ Европѣ», написанную для полученія степени магистра политическихъ наукъ. Оппонентами были проректоръ университета, экстра-ординарный профессоръ Сокальскій и адъюнктъ Срезневскій. 29 іюня 1839 г. министръ народнаго просвѣщенія, по полученіи свѣдѣній о защитѣ диссертациі, утвердилъ Сливицкаго въ степени магистра историческихъ наукъ и въ званіи адъюнкта по первому отдѣленію философскаго факультета, согласно его ходатайству. 20 сентября того же года Сливицкій былъ избранъ секретаремъ перваго отдѣленія философскаго факультета; однако уже 17 февраля 1840 года

согласно прошенію былъ уволенъ отъ этой должности, сдавъ должность Метлинскому, который 18 мая 1842 года отъ нея отказался, при чемъ Сливичкій по большинству голосовъ «былъ снова избранъ секретаремъ», но «по домашнимъ обстоятельствамъ» 19 августа 1842 года сложилъ съ себя секретарскія обязанности, возбудивъ около этого же времени ходатайство объ увольненіи своемъ вовсе изъ вѣдомства университета, на что и получилъ разрѣшеніе министерства народнаго просвѣщенія отъ 17 сентября 1842 г., о чемъ были увѣдомлены «первое отдѣленіе философскаго факультета и юридическій факультетъ». Сливичкому же выданъ аттестатъ, что онъ «должность адъюнкта исправлялъ съ должнымъ усердіемъ, при отличномъ поведеніи».

Помимо упомянутой диссертациі, не отличавшейся научными достоинствами, литературно-научная дѣятельность Сливичкаго сказалась въ сдѣланномъ имъ переводѣ французскаго учебника по исторіи среднихъ вѣковъ, составленнаго Де-Мишелемъ. Это руководство было уже переведено студентами Московскаго университета, но оставалось не напечатаннымъ. Помощникъ попечителя графъ Панинъ нашелъ, что «переводъ Сливичкаго гораздо болѣе вѣренъ и отличается однообразностью въ слогъ и надлежащимъ вразумленіемъ подлинника» и предложилъ совѣту университета «разсмотрѣть оный переводъ съ тѣмъ, чтобы на основаніи достоинства онаго испросить разрѣшеніе высшаго начальства ввести оный въ употребленіе по округу». Ректоръ университета К. Кронебергъ призналъ, что «сія книга можетъ служить хорошимъ руководствомъ для преподаванія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, но переводъ его надобно возвратить переводчику для исправленія слога и точнѣйшаго сличенія съ подлинникомъ согласно постановленію словеснаго факультета». Но исправленная и уже цензурованная рукопись перевода была разсмотрѣна (1836 г.) «однимъ изъ петербургскихъ ученыхъ по сей части», который отозвался, что эта книга не заслуживаетъ названія хорошаго руководства къ преподаванію исторіи въ учебныхъ заведеніяхъ, каковое мнѣніе раздѣлили и ректоръ Петербургскаго университета профессоръ И. П. Шульгинъ (извѣстный историкъ), и рукопись возвращена министерствомъ для отдачи по принадлежности.

А. С. Вязигинъ.

Рославскій-Петровскій Александръ Петровичъ происходилъ изъ купцовъ; родился 9 апрѣля 1816 г. въ селѣ Слабинѣ, Черниговской губерніи. Первоначальное воспитаніе получилъ дома, подъ надзоромъ матери, нѣжно любившей своего единственнаго сына и не жалѣвшей послѣднихъ средствъ для его образованія; затѣмъ онъ учился въ Черниговѣ подъ

руководством Негаченка, преподавателя гимназии, и Самчевскаго, профессора семинарии, впоследствии инспектора Новгородъ-Сѣверской гимназии; послѣдній имѣлъ немалое вліяніе на развитіе способностей Рославскаго и пріохотилъ его къ литературѣ. Въ 1828 г. Рославскій поступилъ въ гимназію высшихъ наукъ князя Безбородко въ Нѣжинѣ, прямо въ 4-ый классъ. Извѣстно, какая атмосфера въ то время господствовала тамъ, съ какимъ увлеченіемъ занимались литературой воспитанники этой гимназии. Въ моментъ поступленія Рославскаго, Гоголя уже не было въ Нѣжинѣ—онъ только-что вышелъ изъ гимназии; но оставались еще Гребенка, Кукольникъ и друг. На первыхъ порахъ Рославскій тоже увлекся литературными опытами, писалъ оды и басни въ подражаніе Державину (напр. оду въ честь фельдмаршала Паскевича и Крылову); но вскорѣ убѣдился, что онъ—не поэтъ.. Учился онъ прекрасно, особенно оказывалъ успѣхи въ латинскомъ языкѣ. Въ 1834 г., вскорѣ послѣ преобразованія гимназии въ лицей, Рославскій поступилъ въ Харьковскій университетъ, на словесное отдѣленіе, гдѣ слушалъ, между прочимъ, энциклопедію филологіи, римскія древности и объясненія латинскихъ авторовъ у И. Я. Кронеберга.

Тотчасъ же по окончаніи курса со степенью кандидата, въ 1837 г., по предложенію тогдашняго декана П. П. Гулака-Артемовскаго, Рославскій приглашенъ былъ преподавать въ университетѣ статистику и въ 1839 г., по выдержаніи экзамена и защитѣ диссертации на степень магистра («Объ истинномъ значеніи прагматической исторіи»), назначенъ адъюнктомъ для преподаванія статистики. Въ 1841 г., по представленію тогдашняго попечителя Харьковскаго учебнаго округа графа Ю. А. Головкина, статистика отдѣлена была отъ политической экономіи, и Рославскій-Петровскій назначенъ исправляющимъ должность экстра-ординарнаго профессора первой. По смерти М. М. Лунина, въ октябрѣ 1844 г., на него возложено было преподаваніе всеобщей исторіи. Въ 1845 г. Рославскій-Петровскій пріобрѣлъ степень доктора историческихъ наукъ, политической экономіи и статистики (его докторская диссертация—«Опытъ сравненія народонаселенія въ Россіи и нѣкоторыхъ другихъ европейскихъ государствахъ») и, согласно избранію совѣта, перешелъ на кафедру всеобщей исторіи: въ 1846 г. онъ былъ утвержденъ въ званіи экстра-ординарнаго профессора, а черезъ полгода—ординарнаго. Рославскій, можно сказать, каждый годъ читалъ курсы древней исторіи и черезъ годъ—до 1851-2 академическаго года, когда адъюнктомъ утвержденъ былъ М. Н. Петровъ,—среднюю. Новой исторіи онъ, повидимому, никогда не преподавалъ. Древнюю исторію, судя по обзорѣнїямъ преподаванія, онъ читалъ сначала «по системѣ Герена, пользуясь лучшими писателями», а потомъ «по руководству Лоренца и собственнымъ запискамъ». Но перейдя на кафедру всеобщей исторіи,

Рославскій продолжалъ преподавать и статистику, а одно время (въ 1849-50 академическомъ году), за отсутствіемъ профессора, читалъ лекціи и по политической экономіи. Съ конца 1844 г. и до начала 1852-3 академическаго года онъ преподавалъ всеобщую исторію и въ педагогическомъ институтѣ для казеннокоштныхъ студентовъ. Кромѣ того, Рославскій-Петровскій несъ рядъ другихъ обязанностей: въ теченіе почти 15 лѣтъ (съ 1839 года по 1854 годъ) онъ былъ секретаремъ и около 10 лѣтъ (1844—1854) членомъ комитета для испытанія лицъ, ищущихъ званія домашнихъ учителей; въ 1840—44 г., 1849—52 г. и въ 1854 г. былъ членомъ временнаго комитета для испытанія поступающихъ въ студенты университета (по исторіи и географіи), а въ 1857 г.—предсѣдателемъ одного изъ отдѣленій этого комитета; въ 1851-2 г. и 1854-6 г. (съ нѣкоторыми перерывами) на него возложена была цензура неофициальной части Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей. Въ 1842-3 г. Рославскій состоялъ секретаремъ факультета; три раза избираемъ былъ въ деканы (въ 1853 г. и вновь въ 1857-8 г., а также въ 1866 г.); въ 1858 г. (съ 12 іюня по 14 ноября) исправлялъ должность ректора, а въ 1859 г. назначенъ ректоромъ. Въ сентябрѣ 1862 г. Рославскій, по случаю замѣны назначенія ректоровъ ихъ избраніемъ изъ среды профессоровъ, оставленъ былъ за штатомъ и затѣмъ (1864 г.) вышелъ въ отставку. Но въ отставкѣ Рославскій находился недолго: въ 1865 г. (въ апрѣлѣ) онъ былъ избранъ и утвержденъ вновь ординарнымъ профессоромъ по кафедрѣ всеобщей исторіи; въ 1866 г. онъ избирается въ третій разъ въ деканы, но еще до окончанія срока деканства Рославскій въ 1868 г. подалъ прошеніе объ увольненіи отъ этой должности. Въ 1870 г. онъ былъ оставленъ на службѣ на 2 года, но 25 декабря того же года скончался послѣ недолгой тяжелой болѣзни.

Не смотря на многочисленныя обязанности свои Рославскій-Петровскій, написалъ немало работъ. Его труды оставляя въ сторонѣ менѣ важныя статьи, могутъ быть распредѣлены на слѣдующія главныя группы: а) по статистикѣ, б) по философіи исторіи, в) по древней исторіи (преимущественно Востока) и д) по исторіи университета и вообще мѣстной. Среди нихъ были работы крупныя, выдающіяся для своего времени. «Руководство къ статистикѣ», говоритъ, напр., академикъ М. И. Сухомлиновъ, бывший слушателемъ Рославскаго-Петровскаго, «было выдающимся явленіемъ въ тогдашней научной литературѣ. Журналы отзывались о книгѣ Рославскаго-Петровскаго съ большими похвалами и видѣли въ ней яркіе слѣды пребыванія автора въ центрѣ нѣмецкой учености, въ Берлинѣ, гдѣ, впрочемъ, онъ никогда не бывалъ» ¹⁾. Де-Пуле, отзывающійся, какъ уви-

¹⁾ Уничтоженіе диссертациі Н. И. Костомарова (Древняя и Новая Россія, 1877 г., т. I).

димъ, о нѣкоторыхъ сторонахъ лекцій Рославскаго весьма нелестно, называетъ его «Лекціи статистики» сочиненіемъ по тому времени замѣчательнымъ, обратившимъ на себя общее вниманіе. «Что касается до Харьковскаго университета»,—говоритъ онъ,—«то, смѣло можно сказать, Рославскій создалъ для него статистику: ни прежде, ни послѣ него предметъ этотъ не стоялъ на такой высотѣ»¹⁾. Объ его «Обозрѣніи исторіи древняго міра» отзывались съ выгодной стороны Лоренцъ и Грановскій²⁾, а Ешевскій встрѣтилъ его съ живымъ сочувствіемъ³⁾. Его «Руководство къ исторіи главныхъ народовъ древняго Востока и ихъ цивилизацій» было признано ученымъ комитетомъ «сочиненіемъ, могущимъ служить прочнымъ основаніемъ къ познанію древняго міра», и, дѣйствительно, являлось для своего времени прекраснымъ пособіемъ. Довольно длинный перечень печатныхъ работъ Рославскаго тѣмъ болѣе обращаетъ на себя вниманіе, что Рославскій не обладалъ даромъ слова и лекціи свои долженъ былъ записывать и заучивать дословно или, по крайней мѣрѣ, заранѣе облекать ихъ въ опредѣленную форму, что, конечно, требовало много труда и времени. Тѣмъ удивительнѣе встрѣчатъ въ воспоминаніяхъ слушателей этого профессора обвиненія его въ лѣни⁴⁾. Обвиненія эти, вѣроятно, надо понимать въ томъ смыслѣ, что Рославскій, при своихъ способностяхъ, какъ говорить это и Де-Пуле, могъ бы написать гораздо больше. Самъ Рославскій въ послѣдніе дни жизни, во время предсмертной болѣзни, горько жаловался, по словамъ Н. А. Лавровскаго⁵⁾, «на бесплодную растрату силъ и времени въ преслѣдованіи пустыхъ условій жизни, на то, что не сдѣлалъ того, что могъ сдѣлать». Въ тѣхъ же воспоминаніяхъ слушателей (Де-Пуле, Пашкова) мы встрѣчаемъ, повидимому, противорѣчивые отзывы о лекціяхъ Рославскаго. «Какъ профессоръ и лекторъ»,—говоритъ напр. Де-Пуле,—«Рославскій не только не пользовался популярностью, но былъ даже не любимъ за свой педантизмъ и весьма дурное чтеніе... Чтеніе Рославскаго походило на какое-то рычаніе,—конечно, по скудости его голосовыхъ средствъ; но что всего непріятнѣе въ немъ было, такъ это зубреніе своихъ

1) Харьковскій университетъ и Д. И. Каченовскій (Вѣстникъ Европы 1874 г., январь, стр. 98).

2) См. Лицей кн. Безбородко, изд. гр. Г. А. Кушелева-Безбородко. Спб. 1859 г., стр. 114.

3) Московскія Вѣдомости, 1851 г. № 125.

4) Напр. у Де-Пуле, стр. 99, 100. Рославскому между прочимъ ставили въ упрекъ, что онъ взялся издать записки Лунина—и не издалъ, собирався написать исторію Харьковскаго университета—и не написалъ (ограничившись отдѣльными статьями) (ibid.).

5) См. напеч. имъ некрологъ Рославскаго-Петровскаго въ Харьковскихъ Вѣдомостяхъ, 1872 г., № 5.

собственныхъ лекцій... Профессоръ говорилъ по нимъ слово въ слово, буква въ букву, не позволяя себѣ даже измѣненія союза, и въ случаѣ какого нечаяннаго измѣненія тутъ же, на кафедрѣ, себя поправляя возстановленіемъ измѣненнаго, сопровождаемымъ трясеніемъ головы»¹⁾. Но это была внѣшняя сторона лекцій. Что же касается содержанія, то, по словамъ М. И. Сухомлинова, въ лекціяхъ Рославскаго-Петровскаго (по статистикѣ) было много живого. Онъ касался вопросовъ о свободной волѣ челоѣка, о томъ, подчиняются ли челоѣческія дѣйствія такимъ же законамъ, какіе обнаруживаются въ жизни природы; знакомилъ слушателей съ сочиненіями Кетле и другихъ ученыхъ; указывалъ предусмотрѣнныя наукой социальныя движенія и перевороты и т. под.²⁾ Другой ученикъ Рославскаго, затѣмъ его товарищъ и преемникъ по кафедрѣ, М. Н. Петровъ говоритъ³⁾: «Въ той и другой отрасли своей дѣятельности, и въ литературѣ, и на кафедрѣ А. П. являлся всегда компетентнымъ истолкователемъ современной науки, вѣрнымъ цѣнителемъ каждаго ея открытія и успѣха... Въ послѣднихъ своихъ работахъ по исторіи древняго Востока» онъ «стоялъ точно такъ же на высотѣ громадныхъ новѣйшихъ открытій по этой части, точно такъ же былъ полнымъ господиномъ и хозяиномъ своего дѣла, какъ и 30 лѣтъ» передъ тѣмъ, «когда онъ рѣшалъ вопросъ о научномъ достоинствѣ статистики». Можно было бы думать, что М. Н. Петровъ склоненъ былъ въ своемъ надгробномъ словѣ нѣсколько преувеличить ученныя достоинства своего учителя, но о содержаніи лекцій Рославскаго-Петровскаго мы можемъ судить и по печатнымъ его трудамъ, значительная часть конхъ составляютъ читанные имъ курсы. Рославскій не считалъ нужнымъ⁴⁾ предлагать по исторіи своимъ слушателямъ собственные изслѣдованія и вырабатывать новые взгляды, но онъ постоянно заботился о томъ, чтобы передать имъ въ строгой систематической формѣ и съ точностью, избѣгая многословія, результаты, добытые другими и получившіе уже право гражданства въ наукѣ, а также обращалъ вниманіе на полноту содержанія, при чемъ значительную часть своихъ лекцій посвящалъ изученію духовной жизни народовъ, какъ она отразилась въ ихъ религіи, государственномъ устройствѣ,

1) Стр. 99—100. Ср. и „Воспоминанія“ *Паликова*, Прибавленія къ Харьковскимъ Вѣдомостямъ, 1877 г., № 30, и „Воспоминанія“ *И. И. Вейнберга* („Русск. Богатство“, 1905, февр.). Рославскій требовалъ и отъ своихъ слушателей дословнаго заучиванія его лекцій.

2) *Сухомлиновъ*, I. с.

3) Въ надгробномъ словѣ. См. упомянутый „Некрологъ“ *Н. А. Лавровскаго*.

4) Какъ, повидимому, онъ говоритъ. См. ст. о немъ Гр. Данилевскаго въ „Лицеѣ князя Безбородко“, составленную по его собственнымъ рассказамъ, стр. 114.

въ наукѣ и искусствѣ, въ промышленности и частной жизни. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что Рославскій отличался удивительною памятью¹⁾.

Онъ могъ отталкивать студентовъ своею необщительностью и педантичною требовательностью на экзаменахъ, но тотъ же Де-Пуле свидѣтельствуетъ, что Рославскій, какъ личность и профессоръ, вліялъ благотворно на нихъ, что онъ придерживался Лунинскихъ воззрѣній на профессорскую дѣятельность, гнушался пансіонерствомъ, держалъ себя независимо и что благожелательство къ молодежи въ немъ было несомнѣнно. А лица, хорошо знавшія Рославскаго, какъ напр. Н. А. Лавровскій, указываютъ на его безукоризненную честность, правдивость, глубокое отвращеніе ко всякой интригѣ, примирительный характеръ, гармонію умственныхъ и нравственныхъ силъ...²⁾. О томъ уваженіи, какимъ пользовался Рославскій въ университетской коллегіи, достаточно свидѣтельствуетъ троекратное избраніе его въ деканы, а еще болѣе—избраніе его въ почетные члены университета, когда онъ покидалъ ректорство и оставленъ былъ за штатомъ (1862 г.). Онъ состоялъ также почетнымъ членомъ Харьковскаго губернскаго статистическаго комитета (съ 1862 г.) и членомъ-сотрудникомъ Русскаго Географическаго Общества (съ 1846 г.). Въ исторіи Харьковскаго университета Рославскій-Петровскій, несомнѣнно, является личностью крупною.

О немъ см. «Лицей князя Безбородка» изд. графа *Кушелева-Безбородка*. С.-Петербургъ. 1859 г.; упомянутый некрологъ, составленный Н. А. Лавровскимъ, ст. М. И. Сухомлинова, Де-Пуле, Пашикова П. И. Вейнберга; замѣтку въ Энциклопедическомъ Словарѣ Брокгауза и Ефрона; бумаги Г. С. Чирикова и документы университетскаго архива.

Печатные труды Рославскаго-Петровскаго: 1) Очеркъ быта и правленія древней Спарты. Сочиненіе Ксенофонта: *Ἀλκibiάδου Πολιτεία*, разобранное и представленное въ связи съ другими источниками. Харьковъ. 1838 г. Въ 1-ой части, составляющей „введеніе“, авторъ останавливается на вопросѣ о пристрастіи Ксенофонта; „въ виду противорѣчивыхъ отзывовъ, онъ рѣшилъ, не довѣряя слѣпо комментаторамъ, разобрать твореніе Ксенофонта и поставить свою собственную точку зрѣнія“. Онъ приходитъ къ заключенію, что Ксенофонтъ „полюбилъ Спарту“, но истина не обезображена имъ, ничего онъ не утаилъ, не прибавилъ, а только смотрѣлъ „окомъ нѣкотораго предубѣжденія“ (въ пользу Спарты). Во второй части Рославскій старается „представить образъ Лакедемонской республики, сравнивая, по возможности, описанія Ксенофонта съ повѣствованіемъ другихъ историковъ“ о Спартѣ. 2) Объ истинномъ значеніи прагматической исторіи и соотвѣтственномъ тому способѣ ея обработки. Харьковъ. 1839 г. (магистерская диссертація). По мнѣнію автора, полное познаніе истины невозможно ни въ какой наукѣ, тѣмъ болѣе въ исторіи, имѣющей свои особенные недостатки, относящіеся частью къ содержанію ея, частью къ формѣ. Предметъ исторіи—„явленія

1) А вмѣстѣ съ тѣмъ и разбѣйностью, давшей поводъ къ многочисленнымъ разсказамъ и анекдотамъ о немъ.

2) См. некрологъ.

духовной жизни рода человеческого". Рославскій слѣдитъ далѣ за развитіемъ разныхъ направленій въ исторіи, начиная съ Геродота, направленій, въ которыхъ отражается духъ времени и обнаруживается зависимость этой науки отъ жизни. „Благоразумное сочетаніе элемента философскаго съ живописнымъ тамъ, гдѣ они совмѣстимы“, кажется ему „лучшимъ средствомъ сохранить истину“ (стр. 23—24). Способы обработки исторіи онъ сводитъ къ 2 главнымъ методамъ—повѣствовательному и прагматическому, опредѣляетъ подробности послѣдній и доказываетъ его необходимость. Подобно М. М. Лунину, Рославскій говоритъ, что историкъ прежде всего долженъ „стараться вникнуть въ идею, выраженную извѣстнымъ народомъ или государствомъ, и слѣдить за развитіемъ ея въ различные періоды, не останавливаясь на однихъ только политическихъ измѣненіяхъ, но принимая во вниманіе состояніе всего общества“ (стр. 30). Существенное отличіе прагматической исторіи онъ видитъ въ „участіи свободно мыслящаго разума“ (стр. 41). Въ исторіи, по его словамъ, открывается соединеніе закона высшей необходимости съ человѣческою свободою (стр. 43). Въ заключеніе Рославскій останавливается на тѣхъ качествахъ или знаніяхъ, которыя долженъ имѣть историкъ: это—знаніе человѣческой природы, народныхъ ея отличій и сцены дѣйствія изображаемыхъ имъ событій, т. е. онъ требуетъ отъ историка и географическихъ знаній. Къ вопросамъ, затронутымъ здѣсь, Рославскій потомъ неразъ возвращался: въ „Обозрѣніи исторіи древняго міра“ (1851 г.), во вступительной лекціи, въ послѣдующихъ своихъ „Введеніяхъ въ курсъ исторіи“ (1865 г. и 1870 г.) онъ повторяетъ или развиваетъ мысли, изложенныя еще въ его магистерской диссертациі. 3) Лекціи по статистикѣ. Харьковъ. 1841 г.; въ 1844 г. переизданы подъ заглавіемъ: „Руководство къ статистикѣ“, въ 1856 году вышло 3-е изданіе. 4) Обзорѣніе состоянія Харьковскаго университета за первое пятилѣтіе послѣ введенія новаго устава (Москвитининъ, 1841 г.). 5) О движеніи народонаселенія въ Россіи сравнительно съ другими европейскими государствами (Журналъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, 1841 г.). 6) Подробный отчетъ о дѣйствіяхъ университета за 1841-2 г. 7) Москва въ 1648 г. (извлеченіе изъ Дневника Корба, въ „Очеркахъ Россіи“ Пассека). 8) Сравненіе Россіи съ другими первоклассными державами Европы въ статистическомъ отношеніи (Москвитининъ, 1844 г.). 9) Некрологъ М. М. Лунина (Москвитининъ, 1844 г., декабрь, и Прибавленія къ Харьковскимъ Вѣдомостямъ, 1844 г., № 46). 10) Опытъ сравненія народонаселенія въ Россіи и нѣкоторыхъ другихъ европейскихъ государствахъ. Харьковъ. 1845 г. (докторская диссертациа). 11) Обзорѣніе торговли на Харьковскихъ ярмаркахъ (Харьковскія Вѣдомости, 1846 г., и Сборникъ статистическихъ свѣдѣній о Россіи, изд. Русскимъ Географическимъ Обществомъ, т. II). 12) Историческая записка о Харьковскомъ университетѣ со времени основанія сего заведенія по 1850 г., написанная по порученію управлявшаго учебнымъ округомъ для великихъ князей Николая и Михаила Николаевичей и напечатанная въ Харьковскихъ Вѣдомостяхъ за 1850 г. 13) Краткое историко-статистическое обзорѣніе Императорскаго Харьковскаго университета. Харьковъ. 1851 г. 14) Рецензія на магистерскую диссертацию М. Н. Петрова о государственной дѣятельности Людовика XI (Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1851 г., ч. LXXI). 15) Обзорѣніе исторіи древняго міра. Харьковъ. 1851-2 г., 2 вып. Это—„подробный конспектъ или, лучше сказать, очеркъ лекцій древней исторіи“, читанныхъ Рославскимъ, который имѣлъ въ виду, „во-1-хъ, облегченіе слушателей доставленіемъ имъ пособія для репетицій и экзаменовъ, а во-2-хъ, интересъ любителей исторіи, въ особенности же преподавателей гимназій“. Авторъ надѣялся, что книга его будетъ не лишнею и послѣ изданія руководства Лоренца, какъ потому, что онъ обратилъ особенное внима-

ніе на *внутреннюю историю*, такъ и по самой формѣ изложенія, „которая своею сжатостію призываетъ учащихся къ нѣкоторой самостоятельности въ занятіяхъ“. Основаніемъ служили древніе классическіе писатели, а также сочиненія новыхъ ученыхъ—Герена, Бредова, Шлоссера, Лео, Нибура, Лоренца и другихъ.—I выпускъ содержитъ „Исторію азіатскихъ и африканскихъ народовъ“; въ началѣ—вступительная лекція о способѣ обработки исторіи, гдѣ, въ сущности, повторяется съ небольшими измѣненіями, уже упомянутое выше разсужденіе о прагматической исторіи; затѣмъ слѣдуетъ „раздѣленіе исторіи на древнюю и новую“ и „Характеристика древней исторіи“. Далѣе—исторія Индіи, Египта, вавилонянъ, ассирійянъ и мидянъ, евреевъ, Финикій, Карфагена и персовъ—все болѣе или менѣе по одному плану: въ началѣ исторіи каждого народа—обзоръ источниковъ, съ краткими критическими замѣчаніями, потомъ краткій очеркъ политической исторіи и затѣмъ—внутренней (обыкновенно болѣе подробной). II-ой вып. содержитъ конспективную исторію грековъ до начала борьбы съ персами, при чемъ сравнительно подробно говорится о колоніяхъ, въ особенности о Сициліи. 16) Нѣсколько критическихъ замѣчаній по поводу новѣйшихъ изслѣдованій о населенности Европейской Россіи (Москвитининъ, 1852 г.). 17) Когда, въ началѣ 50-хъ годовъ, возникъ проектъ (частный) объ устройствѣ желѣзной дороги между Харьковомъ и Θεοδοσίей, то Рославскій собралъ статистическія данныя для опредѣленія выгодъ этого проекта и составилъ докладную записку для устраненія сомнѣній, возбужденныхъ относительно пользы желѣзной дороги между Харьковомъ и Θεοδοσίей. На эту тему, въ торжественномъ собраніи университета 30 августа 1852 г., Рославскимъ читана была рѣчь—„Мысли объ устройствѣ желѣзной дороги изъ Харькова къ Черному морю“ (напечатана отдѣльно. Харьковъ. 1852 г.),—гдѣ онъ, какъ самъ заявляетъ, разсматриваетъ вопросъ „исключительно съ экономической точки зрѣнія, не касаясь прочихъ сторонъ его“, и на основаніи статистическихъ данныхъ отдастъ предпочтеніе направленію дороги отъ Харькова на Θεοδοσίю, а не на Одессу или Таганрогъ и Бердянскъ. „Мысль провести желѣзную дорогу отъ Харькова до Θεοδοσίи“,—говоритъ Рославскій,—„есть одна изъ счастливейшихъ и наиболее полезныхъ для государства, ибо она вполне соответствуетъ настоящимъ требованіямъ нашей торговли и вѣроятному ходу ея въ будущемъ“. 18) Изслѣдованіе объ успѣхахъ народонаселенія въ Россіи съ 1805 г. по 1850 г. (Вѣстникъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, 1853 г.). 19) Объ ученой дѣятельности Императорскаго Харьковскаго университета въ первое 10-лѣтіе его существованія (Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1854 г.). 20) Очеркъ исторіи персидскихъ войнъ (Москвитининъ, 1855 г.). 21) Критическій обзоръ исторіи трехъ послѣднихъ римскихъ царей (Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1856 г.). 22) Статистика государственныхъ крестьянъ Харьковской губерніи (Сборникъ статистическихъ свѣдѣній о Россіи, 1857 г.). 23) Некрологъ Гулака-Артемовскаго. 24) Оказывалъ содѣйствіе при составленіи путеводителя для великаго князя Константина Николаевича (1857 г.). 25) Нѣсколько замѣчаній на послѣдній отчетъ для присужденія Жуковской преміи (Вѣстникъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, 1858 г., кн. 12). 26) Рѣчь, сказанная студентамъ при вступленіи въ должность ректора (Харьковскія Вѣдомости, 1859 г.). 27) О численномъ неравенствѣ половъ (Русскій Дневникъ, 1859 г.). 28) Альфредъ Великій (Русское Слово, 1860 г., кн. VII). 29) На проектъ устава 1863 г. Рославскій представилъ свои замѣчанія, а по поводу „Университетскаго вопроса“ Пирогова онъ помѣстилъ рядъ статей (въ Прибавленіи къ Харьковскимъ Вѣдомостямъ, за 1864 г.), вышедшихъ и отдѣльными оттисками подъ заглавіемъ: „Русскіе университеты и „Университетскій вопросъ“ г-на Пирогова“. Здѣсь онъ изла-

гаеть въ послѣдовательномъ порядкѣ мысли Пирогова, а затѣмъ дѣлаеть свои замѣчанія и возраженія; впрочемъ, большей части положеній Пирогова Рославскій сочувствуетъ, большую часть предлагаемыхъ мѣръ считаетъ цѣлесообразными. И онъ признаеть бюрократизмъ однимъ изъ главныхъ недуговъ современныхъ русскихъ университетовъ; принимаетъ сказанное Пироговымъ и объ автономіи, но не безъ нѣкоторыхъ оговорокъ: путемъ исторической справки Рославскій приходитъ къ заключенію, что для автономіи русскихъ университетовъ нужны не столько новыя мѣры, сколько отмѣна нѣкоторыхъ распоряженій правительства, изданныхъ послѣ 1835 г.; по его мнѣнію, было бы всего лучше во всемъ, чтò касается администраціи, принять за основаніе уставъ 1804 г., но безъ олигархическаго характера университетскихъ совѣтовъ (въ которыхъ право голоса принадлежало тогда только *ординарнымъ* профессорамъ); онъ признаеть справедливымъ принципъ, что ограничивать право университетскихъ совѣтовъ на пополненіе личнаго своего состава не только не полезно, но и положительно вредно, и что, не трогая хорошей стороны учрежденія, нужно только позаботиться о гарантіи противъ возможныхъ злоупотребленій; при замѣщеніи каедръ конкурсъ казался ему особенно желательнымъ и полезнымъ. Инспекцію онъ считалъ лишнимъ учрежденіемъ. 30) Введеніе въ курсъ исторіи цивилизацій. Харьковъ, 1865 г. (отд. от. изъ „Духовнаго Вѣстника“). Ср. „Введеніе“ 1870 г., о которомъ ниже.

31) Руководство къ исторіи главныхъ народовъ древняго Востока и ихъ цивилизацій. Выпускъ I. Египетъ. Харьковъ. 1865 г.; выпускъ II. Халдея. 1868 г. Это—спеціальные курсы, читанные Рославскимъ, одинъ изъ главныхъ его трудовъ; здѣсь, послѣ обзора источниковъ, представленъ очеркъ политической исторіи и затѣмъ, болѣе подробно,—внутренней; напр. въ I-мъ выпускѣ изъ 112 стр. 15 приходится на источники, 40—на вѣдѣнію исторію, а остальное, т. е. половина выпуска,—на внутреннюю (религію, общественный бытъ, искусство, науку, промышленность, домашнюю жизнь и нравы египтянъ).

32) Введеніе въ курсъ исторіи главныхъ народовъ древняго міра и ихъ цивилизацій. Харьковъ. 1870 г. Это „Введеніе“, равно какъ и изданное въ 1865 г., историко-философскаго содержанія: Рославскій-Петровскій касается основныхъ проблемъ философіи исторіи, которыми онъ, очевидно, интересовался и къ которымъ возвращался неразъ—о трудности познанія истины въ исторіи, о главныхъ историческихъ школахъ или направленіяхъ, о задачахъ исторіи, о законахъ исторіи, роли личности и свободѣ воли, нравственной отвѣтственности историческихъ дѣятелей и значеніи великихъ людей. Много дословно сходнаго съ тѣмъ, чтò говорилъ онъ еще въ своей диссертациі о прагматической исторіи. По мнѣнію Рославскаго, ни одно изъ рассмотрѣнныхъ имъ направленій, взятое порознь, не удовлетворяеть въполнѣ требованіямъ исторіи, какъ науки, и историку необходимо быть вмѣстѣ и критикомъ, и художникомъ, и, наконецъ, философомъ-наблюдателемъ, „умѣющимъ открывать общее въ частномъ, посредствомъ сравненія разныхъ эпохъ, съ цѣлью найти общіе законы, управляющіе ходомъ историческаго движенія человѣчества“. Рославскій принимаетъ положеніе Гегеля: „Всемирная исторія есть успѣхъ въ сознаніи свободы“, но съ своей стороны прибавляеть: „и осуществленіе этого сознанія въ практической жизни народовъ“. Однимъ изъ главнѣйшихъ законовъ исторіи онъ признавалъ законъ *прогресса*, хотя съ нѣкоторыми оговорками; но *скорость* въ достиженіи высшей степени развитія, *участіе* того или другого народа, *величина жертвъ*, цѣною которыхъ пріобрѣтается прогрессъ, все это, по словамъ Рославскаго, зависитъ въ значительной степени отъ самыхъ людей. Приписывая человѣческой свободѣ извѣстную долю вліянія на ходъ міровыхъ событій, онъ не думалъ однако, чтобы это вліяніе могло измѣнить общіе законы, по которымъ развивается жизнь человѣчества; отъ человѣка зависитъ лишь

дать этимъ законамъ наиболѣе выгодное для себя направленіе и тѣмъ увеличить сумму добра и уменьшить зло. Онъ раздѣлялъ мнѣніе Ренана, что „великій человѣкъ, съ одной стороны, господствуетъ надъ своимъ временемъ, а съ другой—получаетъ все отъ своего времени“ (33) Очерки древней Индіи. Изъ лекцій. Харьковъ, 1871 г. (оттиски приложеній къ протоколамъ совѣта). Они обнимаютъ нѣкоторыя части курса, именно—относящіяся къ бытовой или внутренней исторіи, какъ представлявшія большій интересъ. Содержаніе таково: Введеніе въ древнюю исторію индусовъ (источники и пособія; этнографія, вліяніе мѣстныхъ условій на характеръ и развитіе народа), религія и философія, общественный и частный бытъ.

В. П. Бузескуль.

Петровъ Михаилъ Назаровичъ родился въ Вильнѣ 3-го ноября 1826 года. Отецъ его былъ уроженецъ, какъ значится въ формулярѣ, «Оренбургской губерніи, Бугурусланской округи», по происхожденію мордвинъ, изъ новокрещенныхъ государственныхъ крестьянъ, бывшій въ военной службѣ и дослужившійся до оберъ-офицерскихъ чиновъ. Въ 1838 г. будущій историкъ поступилъ въ Виленскую гимназію. По окончаніи здѣсь курса въ 1844 г. съ «отличными успѣхами», М. Н. Петровъ, по распоряженію попечителя тогдашняго Бѣлорусскаго учебнаго округа, отправленъ былъ въ Харьковскій университетъ «для продолженія наукъ» и принятъ въ число казеннокоштныхъ студентовъ. Поступилъ онъ на 1-е отдѣленіе философскаго факультета (теперь историко-филологическій факультетъ). Онъ не засталъ уже тутъ М. М. Лунина, находившагося по болѣзни въ отпуску за границей и скончавшагося въ октябрѣ 1844 г. на возвратномъ пути оттуда въ Кіевѣ. Учителемъ М. Н. Петрова былъ А. П. Рославскій-Петровскій.

Въ 1848 г. М. Н. Петровъ окончилъ курсъ въ Харьковскомъ университетѣ¹⁾ со степенью кандидата, блестящимъ образомъ, а для своей кандидатской диссертациі избралъ тему: «Цивилизація галло-франковъ во времена Меровинговъ» (осталась въ рукописи). Уже тогда онъ обратилъ вниманіе на себя своею даровитостію и въ началѣ 1849 г., согласно его прошенію, оставленъ былъ при университетѣ на одинъ годъ для приготовленія къ степени магистра всеобщей исторіи. Въ 1850 г., по выдержаніи магистерскаго экзамена, М. Н. Петровъ защитилъ диссертацию подъ заглавіемъ: «О характерѣ государственной дѣятельности Людовика XI» (вошедшую потомъ въ переработанномъ и измѣненномъ видѣ въ составъ его «Очерковъ изъ всеобщей исторіи»), послѣ чего факультетъ единогласно постановилъ ходатайствовать объ опредѣленіи его адъ-

¹⁾ По университету товарищемъ М. Н. Петрова былъ академикъ М. И. Сухомлиновъ.

юнктомъ въ помощь тогдашнему профессору всеобщей исторіи въ Харьковскомъ университетѣ Рославскому-Петровскому; но только въ сентябрѣ 1851 г. М. Н. Петровъ утвержденъ былъ въ званіи адъюнкта. Въ 1858 г. М. Н. Петровъ командированъ былъ за границу на два года. Онъ посѣтилъ Германію, Францію, Англію, Бельгію, Италію; долѣе всего оставался онъ въ Берлинѣ, Мюнхенѣ, Гейдельбергѣ, Вѣнѣ и Парижѣ, посѣщая бібліотеки и музеи, слушая лекціи, знакомясь иногда лично съ нѣкоторыми изъ выдающихся профессоровъ. Характеристику многихъ замѣчательныхъ историковъ, какъ напр. Ранке, Зибеля, Дройзена, Гейссера, Гизо, Мишле, онъ далъ частью въ своей докторской диссертациі, изданной имъ по возвращеніи изъ-за границы («Новѣйшая національная исторіографія въ Германіи, Англіи и Франціи». Харьк. 1861), частью въ своемъ отчетѣ о заграничной командировкѣ, по содержанію тѣсно связанномъ съ диссертацией. Отчетъ этотъ, напечатанный въ 1861 г. и отдѣланный такъ же тщательно, какъ и все, что выходило изъ-подъ пера Михаила Назаровича, знакомитъ насъ съ ходомъ университетскаго преподаванія исторіи въ тѣ времена не только въ Германіи, но и во Франціи и даже въ Бельгіи. Свою диссертацию на степень доктора всеобщей исторіи М. Н. Петровъ защитилъ потомъ въ Москвѣ лишь въ 1865 г. Въ 1862 г. онъ утвержденъ былъ въ званіи исправляющаго должность экстраординарнаго профессора, а въ 1866 г. получилъ званіе экстраординарнаго и вслѣдъ за тѣмъ—ординарнаго профессора по кафедрѣ всеобщей исторіи. Въ сентябрѣ 1876 г. М. Н. Петровъ избранъ былъ, по выслугѣ 25 лѣтъ, еще на пять лѣтъ, а въ 1881 г. оставленъ на новое пятилѣтіе. Навсегда закончилъ онъ чтеніе лекцій въ маѣ 1886 г. Онъ вышелъ въ отставку, чтобы отдохнуть, подкрѣпить свои силы, чтобы всецѣло посвятить себя воспитанію безгранично любимой имъ единственной дочери. Онъ мечталъ поселиться на югѣ, въ Крыму, но въ ночь съ 23 на 24 января 1887 г. внезапно скончался отъ разрыва сердца.

Учено-литературная дѣятельность М. Н. Петрова не была обширна. Его труды не носили спеціальнаго характера. Въ своей магистерской диссертациі М. Н. Петровъ старался дать безпристрастную оцѣнку Людовика ХІ, доказывая, что онъ, превосходя современниковъ силою политическаго гения, не слишкомъ ниже стоялъ ихъ въ моральномъ отношеніи и что «образъ его, какъ человѣка, является какимъ-то мрачнымъ и дикимъ исключеніемъ только тогда, если оторвать его отъ современной его обстановки». Книга о «Новѣйшей національной исторіографіи Германіи, Англіи и Франціи», послужившая докторской диссертацией, имѣла цѣлью «облегчить публикѣ и особенно юношеству знакомство съ иностранною историческою литературою и дать имъ какую-нибудь точку опоры при ея изученіи».

при чемъ, кромѣ личныхъ наблюденій, М. Н. Петровъ особенно пользовался «Исторіей литературы» *Юліана Шмидта*. Книга являлась прекраснымъ для того времени обзоромъ главнѣйшихъ историческихъ литературъ западной Европы; руководящая мысль здѣсь та, что «если вообще въ литературѣ выражается господствующее настроеніе вѣка и націй, то это особенно можно сказать объ исторіографіи; духъ, творящій исторію и объясняющій ея созданныя явленія,—одинъ и тотъ же; во взглядахъ на эти явленія и въ ихъ оцѣнкѣ болѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, замѣтно направленіе общества, его желанія, цѣли и идеалы». «Очерки изъ всемірной исторіи» представляютъ рядъ мастерскихъ историческихъ характеристикъ, замѣчательныхъ по своей художественности, мѣткости, по пластичности и выразительности языка. Эти очерки сдѣлались одною изъ наиболѣе распространенныхъ и любимыхъ нашею публикой историческихъ книгъ: три изданія, которыя они выдержали, ясно свидѣтельствуютъ объ этомъ. Что же касается «Исторической подготовки», то эта статья, написанная съ необыкновенною живостью и остроуміемъ, направлена противъ неудовлетворительныхъ учебниковъ и способа преподаванія исторіи въ нашихъ среднеучебныхъ заведеніяхъ. Вопросъ объ учебникѣ очень интересовалъ М. Н. Петрова, и онъ даже самъ принялся было за составленіе такого руководства, но успѣлъ обработать только начало.

Но, безъ сомнѣнія, важнѣе авторской дѣятельности М. Н. Петрова его дѣятельность, какъ профессора. Въ этомъ отношеніи онъ принадлежалъ къ числу лучшихъ и блестящихъ профессоровъ не только нашего, но и другихъ университетовъ... Сначала М. Н. Петровъ читалъ исторію среднихъ и новыхъ вѣковъ, а впослѣдствіи древнюю и новую исторію; кромѣ того, онъ читалъ рядъ специальныхъ курсовъ по исторіи, напр., римскихъ цезарей, папства, французской революціи и т. п. Въ послѣдніе годы жизни онъ особенно интересовался исторіей древняго Востока. Одно время, за отсутствіемъ профессора русской исторіи, М. Н. Петровъ читалъ лекціи и по этой каѳедрѣ, напр. специальный курсъ о Петрѣ Великомъ. Курсы М. Н. Петрова по всеобщей исторіи, выработанные имъ въ началѣ 70-хъ годовъ, были курсы общіе, необыкновенно сжатые: ни одной лишней фразы, ни одного лишняго слова. Но при всей сжатости, они давали цѣльное и художественное изображеніе каждой эпохи. Съ особеннымъ вниманіемъ слѣдилъ М. Н. Петровъ за связью событій, стараясь представить самый, такъ сказать, «механизмъ историческаго движенія». Его курсы въ сущности можно было бы назвать историко-философскими обзорами прошлой жизни человѣчества. Для студентовъ и преподавателей гимназій они были долгое время незамѣнимымъ пособіемъ и по смерти М. Н. Петрова они были изданы (Харьк. 1888 — 1890; древн. ист. — въ обработкѣ

А. Н. Деревницкаго, средняя—*В. К. Надлера*, а новая—т. III—IV—*В. П. Бузескула*; въ настоящее время выходитъ новое изданіе ихъ).

Вообще же М. Н. Петровъ былъ прежде всего историкъ-художникъ. Онъ самъ давалъ такое опредѣленіе исторической науки: «Исторія есть научное и вмѣстѣ художественное изложеніе прошедшей жизни человѣческаго рода; ея задача состоитъ въ художественно-вѣрномъ воспроизведеніи прошедшаго, а практическая польза въ томъ, что она учитъ насъ жить на свѣтѣ сознательно, то-есть, понимать, откуда и какъ произошли явленія окружающей насъ общественной жизни, и отчего эта жизнь именно такая, какою мы ее видимъ теперь». Вышней формѣ М. Н. Петровъ всегда придавалъ большое значеніе, тщательно отдѣлывалъ свои лекціи и труды, которые дѣйствительно являлись образцомъ изящнаго, художественнаго изложенія. Онъ всегда имѣлъ въ виду не однихъ специалистовъ, но и обыкновенную публику.

Онъ обыкновенно не столько излагалъ самые факты, сколько останавливался на томъ, почему извѣстное явленіе происходило такъ, а не иначе, и въ объясненіи этого онъ видѣлъ воспитательное значеніе исторіи. Основываясь въ своихъ трудахъ и лекціяхъ преимущественно на результатахъ изслѣдованій иностранныхъ ученыхъ, онъ однако всегда умѣлъ какъ-то особенно освѣтить разсматриваемый имъ вопросъ.

Это былъ человѣкъ не только даровитый, но и прекрасно разносторонне-образованный, которому не были чужды вопросы и философіи, и литературы, и искусства.

Студенты цѣнили М. Н. Петрова какъ преподавателя. Онъ умѣлъ поставить себя по отношенію къ молодежи; тутъ вполне выказывался его тактъ: онъ не впадалъ въ крайности, не заискивалъ у студентовъ, никогда не популярничалъ, всегда держалъ себя съ достоинствомъ. Но въ то же время онъ и не отталкивалъ молодыхъ людей холодностью или формализмомъ: обращеніе его было привѣтливо. Къ нему смѣло и охотно прибѣгали за совѣтами касательно преподаваемаго имъ предмета и относились всегда съ глубокимъ уваженіемъ, и безъ преувеличенія можно сказать, что М. Н. Петровъ принадлежалъ къ числу наиболѣе уважаемыхъ студентами профессоровъ.

О М. Н. Петровѣ, кромѣ дѣлъ унив. архива,—біографическій очеркъ *А. Н. Деревницкаго* (Харьк. 1887); моя ст. въ Харьк. Вѣдом. (1887, № 33), въ Ж. М. Н. Пр., 1887, апр. (ср. мою рѣчь при погребеніи М. Н. Петрова, напеч. въ Харьк. Вѣд., 1887, № 26) и въ Энциклоп. Словарѣ *Брокгауза-Ефрона*.

Труды М. Н. Петрова: „О характерѣ государственной дѣятельности Людовика XI“ (Харьк. 1850); „Новѣйшая національная историографія Германіи, Англіи

и Франціи“ (Харьк. 1861) и отчетъ о заграничной командировкѣ; „Очерки изъ всемірной исторіи“¹⁾; статья „Историческая подготовка“ (Южный Край, 1880 г. и отдѣльно) и нѣсколько рецензій (на диссертацию В. К. Надлера объ Адальбертѣ Бременскомъ, въ Ж. М. Н. Пр., 1867; на книгу проф. И. П. Лазаревича: „Дѣятельность женщины“, въ Южн. Кр., 1883, № 807, и на студенческую работу (не напечатанную) А. Н. Деревицкаго, въ Харьк. Вѣд., 1884, № 29).

В. П. Бузескулъ.

Ливскій Эдмундъ-Карлъ-Юліанъ Іосифовичъ, изъ дворянъ Тарашанскаго уѣзда Кіевской губ., католическаго вѣроисповѣданія, родился 16 ноября 1817 г. Послѣ, повидимому, домашней подготовки поступилъ 21 августа 1835 г. въ число студентовъ университета св. Владиміра на первое отдѣленіе философскаго факультета, гдѣ и обучался, «съ достаточнымъ успѣхомъ, положеннымъ наукамъ», но при закрытіи Кіевского университета въ 1839 г. находился всего лишь на «второмъ курсѣ перваго отдѣленія философскаго факультета» и былъ уволенъ съ правомъ поступить въ С.-Петербургскій университетъ. Однако Ливскій только въ 1845 г. подалъ прошеніе о приѣмѣ его въ Харьковскій университетъ, проживъ «болѣе шести лѣтъ при отцѣ». Послѣ нѣкоторыхъ заминокъ Ливскому удалось поступить на первый курсъ словеснаго отдѣленія Харьковскаго университета, который онъ окончилъ съ «отличными успѣхами», получивъ (22 февраля 1850 года) утвержденіе въ степени кандидата, послѣ чего отдался преподавательской дѣятельности, будучи назначенъ учителемъ исторіи и географіи въ Купянское уѣздное училище (7 мая 1853 года); затѣмъ перемѣщенъ сперва комнатнымъ надзирателемъ благороднаго пансіона Харьковской губернской гимназіи (9 апрѣля 1855 года), а потомъ учителемъ исторіи и географіи въ Харьковское уѣздное училище (4 іюля 1856 г.); съ 1 іюля 1858 г. по 1 сентября 1858 г. исправлялъ должность учителя исторіи при Харьковской губернской гимназіи, а съ 1 сентября 1858 г. былъ въ ней же назначенъ старшимъ учителемъ историческихъ наукъ. Историко-филологическій факультетъ на 18⁶⁰/₆₁ г. пригласилъ его, въ этомъ званіи, какъ «извѣстнаго факультету по основательному знанію исторіи, древнихъ и новыхъ языковъ, для временнаго преподаванія, имѣя въ виду, что адъюнктъ Петровъ не будетъ имѣть возможности одинъ справиться съ преподаваніемъ всей всеобщей исторіи». Но уже въ маѣ 1861 г. факультетъ нашель, что на 18⁶¹/₆₂ г. «не предстоитъ надобности приглашать по

¹⁾ Книга эта составила изъ статей, появившихся въ разное время и по различнымъ поводамъ. Первое изданіе ея вышло въ 1868 г. подъ заглавіемъ: „Очерки изъ всеобщей исторіи“. Во 2-мъ изданіи (1882 г.) прибавлена рѣчь о Петрѣ Великомъ и самое заглавіе книги измѣнено. 3-е изд.—1896 г. (Спб.). Вышло 4-е изд.

всеобщей исторіи» другого преподавателя на помощь адъюнкту Петрову, и постановилъ объявить объ этомъ Ливскому съ «изъявленіемъ ему отъ факультета искренней признательности за добросовѣстное и усердное исполненіе принятыхъ на себя обязанностей по преподаванію древней исторіи».

Къ сожалѣнію, нѣтъ указаній, чѣмъ пользовался Ливскій, читая студентамъ I и II курса одновременно курсы древней исторіи (3 ч. въ недѣлю). Изъ его работъ упоминается рукописное разсужденіе: «О происхожденіи этрусковъ». Какъ человѣкъ, знающій основательно древніе языки и три новыхъ (французскій, нѣмецкій и итальянскій), Ливскій, несомнѣнно, удовлетворялъ одному изъ главныхъ условій успѣшности университетскаго преподаванія.

А. С. Вязигинъ.

Надлеръ Василій Карловичъ, ординарный профессоръ по кафедрѣ всеобщей исторіи, сынъ провизора, управлявшаго аптекою при богоугодныхъ заведеніяхъ Харьковскаго приказа общественнаго призрѣнія, родился 15 декабря 1840 года въ г. Харьковѣ, православный. «Получивъ домашнее воспитаніе у родителя своего», выдержалъ вступительный экзаменъ (20 авг. 1857 г.) въ Харьковскій университетъ и былъ зачисленъ въ число его студентовъ по историко-филологическому факультету. «По домашнимъ обстоятельствамъ» 26 мая 1861 г. согласно прошенію былъ уволенъ изъ университета, но уже въ 1862 году «бывшій студентъ Василій Надлеръ» получаетъ разрѣшеніе держать окончательный экзаменъ въ Харьковскомъ университетѣ, представляетъ затѣмъ диссертацию: «Сербскій народъ и его судьба подъ властью турокъ до начала національнаго движенія въ первыхъ годахъ XIX вѣка» и пріобрѣтаетъ степень кандидата (8 сент. 1862 г.). По окончаніи университета Надлеръ поступаетъ «въ число казенныхъ степендіатовъ въ педагогическіе курсы», гдѣ находится съ 7 сен. 1862 г. по 29 сент. 1864 г., подготовляясь въ то же время къ магистерскому экзамену по предмету всеобщей исторіи: въ 1863 г. «кандидатъ-педагогъ Надлеръ представляетъ сочиненіе: «Причины и первыя проявленія оппозиціи католицизму въ Чехіи и Западной Европѣ въ концѣ XIV и началѣ XV вѣка». Попечительный совѣтъ курсовъ нашелъ полезнымъ напечатать оное въ университетской типографіи. Эта книга и послужила Надлеру магистерской диссертацией, которую онъ защитилъ въ Петербургскомъ университетѣ, удостоившись послѣ обычнаго диспута степени магистра всеобщей исторіи (27 апр. 1864 г.) и предварительно сдавъ тамъ же установленное испытаніе на эту ученую степень, такъ какъ въ

Харьковъ этотъ экзаменъ остался незаконченнымъ по желанію испытуемаго. Приобрѣтеніе званія магистра открывало молодому ученому дверь въ профессорскую коллегію: 15 сент. 1864 г. онъ подалъ прошеніе ректору Харьковскаго университета, изъявляя желаніе занять мѣсто доцента по предмету всеобщей исторіи. Историко-филологическій факультетъ единогласно согласился съ мнѣніемъ доцента Потебни, что «обнаруженное Надлеромъ (въ его диссертациі) умѣніе группировать факты, его начитанность, свобода отъ одностороннихъ увлеченій (упреки въ послѣднихъ могутъ быть основаны только на ви́шнемъ и несущественномъ) ручаются за его способность къ полезной профессорской дѣятельности». На основаніи этого Надлеръ 29 сент. 1864 г. прочиталъ первую пробную лекцію: «О базельскомъ соборѣ», а 3 октября вторую: «Объ отношеніяхъ сословій въ Германіи въ XVIII столѣтіи». Обѣ лекціи были признаны факультетомъ вполне удовлетворительными, и Надлеръ единогласно избранъ доцентомъ всеобщей исторіи. Однако въ совѣтъ Харьковскаго университета факультетскій избранникъ встрѣтилъ настойчивое противодѣйствіе со стороны извѣстнаго проф. международного права Каченовскаго и сильную поддержку проф. П. Лавровскаго, извѣстнаго слависта. Послѣдній составилъ весьма обширную записку въ пользу факультетскаго ставленника и склонилъ совѣтъ къ избранію Надлера доцентомъ (20 окт. 1864 г.), въ каковомъ званіи онъ и былъ утвержденъ г. попечителемъ (7 ноября 1864 г.). Чтеніе лекцій не помѣшало дальнѣйшимъ ученымъ занятіямъ и подготовкѣ докторской диссертациі: «Адальбертъ Бременскій, правитель Германіи въ молодые годы Генриха IV» (X. 1867 г.); послѣ ея защиты (3 сент. 1867 г.), доцентъ Надлеръ былъ единогласно избранъ факультетомъ (13 ноября 1867 г.) въ экстраординарные профессора, «принимая во вниманіе отличныя педагогическія способности и ученые труды». Выборъ факультета былъ одобренъ большинствомъ совѣта (5 дек. 1867 г.) и утвержденъ г. министромъ народнаго просвѣщенія (21 янв. 1868 г.). Вскорѣ (19 ноября 1869 г.) Надлеръ былъ совѣтомъ избранъ ординарнымъ профессоромъ и получилъ утвержденіе министерства (17 янв. 1870 г.). Прослуживъ двадцать пять лѣтъ по учебной части, Надлеръ былъ оставленъ предложеніемъ г. министра народнаго просвѣщенія (съ 15 октября 1887 г.) на службѣ при Харьковскомъ университетѣ срокомъ на 5 лѣтъ, а 18 марта 1890 года получилъ утвержденіе въ званіи заслуженнаго профессора. Но уже въ этомъ году, подъ гнетомъ тяжелыхъ личныхъ утратъ, В. К. Надлеръ пожелалъ покинуть Харьковъ и былъ перемѣщенъ на службу въ Новороссійскій университетъ (съ 1 янв. 1891 г.), состоя профессоромъ коего, и скончался (31 марта 1894 г.). Помимо профессорскихъ обязанностей, В. К. Надлеръ занималъ рядъ выборныхъ должностей, такъ:

онъ былъ избранъ совѣтомъ (23 февр. 1868 г.) въ члены испытательнаго комитета, учрежденнаго для лицъ, ищущихъ званія учителей и учительницъ по предмету исторіи и географіи. Историко-филологическій факультетъ единогласно выбралъ его своимъ секретаремъ (16 сен. 1869 г.); совѣтъ же университета выбралъ В. К. Надлера (съ 19 мая 1870 г.) членомъ попечительнаго совѣта по предмету исторіи и географіи; 11 ноября 1872 г. факультетъ снова единогласно выбираетъ Надлера секретаремъ, а 11 сент. 1875 г. онъ, по выбору, получаетъ званіе декана, которое дважды удерживаетъ по новому единогласному выбору факультета (12 окт. 1878 г. и 8 окт. 1881 г.) до введенія устава 1884 г.; приказами же г. министра народнаго просвѣщенія В. К. Надлеръ (2 ноября 1884 г. и 21 декабря 1888 г.) утверждаемъ былъ въ должности декана историко-филологическаго факультета и оставался въ этомъ званіи до перехода въ Новороссійскій университетъ.

Кромѣ службы въ университетѣ, В. К. Надлеръ по временамъ преподавалъ исторію и географію въ мѣстныхъ женскихъ гимназіяхъ въ спеціальному классѣ (напр., въ гимназіи Филиппсъ, первой женской и др.) и сотрудничалъ въ мѣстныхъ повременныхъ изданіяхъ, преимущественно въ Южномъ Краѣ.

Помимо общихъ курсовъ, В. К. Надлеръ читалъ рядъ спеціальныхъ, таковы: «Исторія исламскаго міра до крестовыхъ походовъ и эпоха крестовыхъ походовъ (въ 187^{1/2} учеб. году), «исторія исламскаго Востока и Византіи» (въ 187^{7/8} учеб. году), «исторія Византійской имперіи» (187^{8/9} уч. году), «исторія западнаго міра въ XI и XII стол.» (Происхожденіе ислама 1875 г.). Курсъ исторіи крестовыхъ походовъ повторялся неоднократно (въ 187^{4/5}, 188^{0/1}, 1889). Обыкновенно и общій курсъ разбивался на рядъ спеціальныхъ: «Исторія среднихъ вѣковъ до Карла Великаго» (186^{6/7}), исторія среднихъ вѣковъ отъ Карла Великаго до крестовыхъ походовъ включительно (186^{7/8}), «исторія среднихъ вѣковъ отъ XIII вѣка до XV (186^{8/9}), «исторія среднихъ вѣковъ отъ паденія Западной Римской имперіи до Карла Великаго (186^{9/70}) и т. д. Кромѣ лекцій по средней исторіи и ея отдѣламъ, проф. Надлеръ читалъ «римскую исторію преимущественно во времена имперіи (187^{3/4}), рядъ лѣтъ велъ преподаваніе русской исторіи (187^{6/7} и 187^{7/8}, 187^{9/80}, ^{80/81}, 188^{1/2}, 188^{2/3}) и новѣйшей, выступалъ съ чтеніями по географіи (напр. «общая часть сравнительной географіи и географіи Азіи и Африки 187^{1/2}); занимался со студентами «критическимъ разборомъ средневѣковыхъ историческихъ памятниковъ (187^{2/3} и 187^{3/4}) и велъ такъ наз. «практическія занятія».

Оцѣнка ученой дѣятельности В. К. Надлера не отличается устойчивостью и вызываетъ противорѣчивыя сужденія: какъ упомянуто уже, его

магистерская диссертация повела къ продолжительному обмѣну мнѣній проф. Каченовскаго, отрицательно отнесшагося къ этому труду, и проф. П. Лавровскаго, который совершенно справедливо указалъ, что книга русскаго ученаго примыкаетъ къ работамъ такихъ ученыхъ, какъ Иорданъ (*Vorläufer der Hussitismus*), Ульманъ (*Reformatoren vor der Reformation*), Фойхтъ (*Hussiten-König Georg von Böhmen*), Палацкій (*Geschichte von Boehmen* В. III), Новиковъ, Томекъ, Гильфердингъ, Гельфертъ и друг. Дѣйствительно, это сочиненіе не блещетъ ни самостоятельностью, ни особыми научными выводами. Зато его докторская диссертация: «Адалъбертъ Бременскій» представляетъ собой несомнѣнный вкладъ въ научную сокровищницу, какъ было признано его обоими оппонентами, профес. А. П. Рославскимъ-Петровскимъ и Г. О. Карповымъ, равно какъ факультетскимъ рецензентомъ, М. Н. Петровымъ (см. «Извѣстіе объ ученомъ диспутѣ» въ № 7 протоколовъ засѣданій совѣта Императорскаго Харьковскаго университета и приложений къ нимъ за 1867 годъ). Въ общемъ на точкѣ зрѣнія В. К. Надлера, и, конечно, совершенно независимо отъ него стоятъ такіе изслѣдователи, какъ *Dehio* (*Geschichte des Erzbistums Hamburg-Bremen bis zum Ausgang der Mission Berlin 1878*), *Nitzsch* (*Geschichte des deutschen Volkes* В. II. 1892), *Meyer von Knopau* (*Jahrbücher des deutschen Reiches unter Heinrich IV und Heinrich V.* В. I. Leipzig 1890; В. II 1894) и другіе. Конечно, ими приведены инныя соображенія, внесены поправки въ оцѣнку источниковъ, но роль и значеніе бременскаго архіепископа, на широкомъ фонѣ современныхъ событій, правильно нарисованы харьковскимъ профессоромъ.

Больше всего нареканій выпало на долю В. К. Надлера за его пяти-томный трудъ объ Александрѣ I и идеѣ священнаго союза. Критика (см. Русская Мысль 1887 № 2, Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1887 № 5 и 1889 № 9) признала «ненаучность», «тенденціозность», «провиденціализма», которымъ проникнуто это сочиненіе, написанное очень легкимъ языкомъ, основанное на изученіи множества современныхъ документовъ и литературы вопроса. Въ широкихъ кругахъ, наоборотъ, именно это произведеніе доставило В. К. Надлеру громкую извѣстность.

Изъ остальныхъ сочиненій наибольшее значеніе имѣютъ: «Юстиніанъ и партія цирка», дающее превосходную картину Царьграда и въ яркихъ, правдивыхъ чертахъ рисующее обликъ византійскаго самодержца; «Меттернихъ и европейская реакція», гдѣ коварный образъ дѣйствій австрійскаго министра находитъ заслуженную оцѣнку, и «Миническій элементъ въ исторіи», небольшое произведеніе, раскрывающее на рядѣ примѣровъ истинное значеніе вымысловъ, вошедшихъ, какъ безспорные факты, въ наши учебники. Остальныя произведенія по исторіи среднихъ вѣковъ представляютъ

собой интересно и общедоступно написанныя страницы изъ жизни этой эпохи, не притязающія быть научными изслѣдованіями.

Несомнѣнной заслугой В. К. Надлера является изданіе «Лекцій по всемірной исторіи» проф. Петрова, увѣнчанныхъ полной петровской преміей. Въ нихъ «древняя и новая исторія» были обработаны вполне самостоятельно молодыми учениками покойнаго профессора, В. П. Бузескуломъ и А. Н. Деревницкимъ. В. К. Надлеру, помимо общей редакціи, принадлежить обработка самаго слабаго изъ томовъ — второго, посвященнаго средней исторіи. Тутъ не мало погрѣшностей осталось неисправленными, и даже такое крупное явленіе, какъ феодализмъ, не нашло надлежащаго объясненія. Собственныя лекціи проф. Надлера по исторіи среднихъ вѣковъ были несравненно болѣе содержательны и давали множество цѣнныхъ свѣдѣній по виѣшней политической исторіи, ибо исторія учреждений, идей не привлекала къ себѣ вниманіе его въ достаточной степени. Этотъ недостатокъ сказался и въ посмертномъ изданіи «Лекцій по исторіи французской революціи и имперіи Наполеона», читанныхъ В. К. Надлеромъ въ 1888/9 г. въ Харьковскомъ университетѣ и изданныхъ въ обработкѣ проф. В. П. Бузескула (Харьковъ 1898 г.). Событіямъ эпохи Наполеона и раскрытію ихъ смысла отводится здѣсь больше мѣста, чѣмъ уясненію причинъ великаго потрясенія, пережитаго Франціей и Европой въ концѣ XVIII вѣка.

Не смотря на всѣ увлеченія и погрѣшности, отъ которыхъ не можетъ быть свободенъ ни одинъ историкъ, В. К. Надлеръ является вполне достойнымъ представителемъ кафедры всеобщей исторіи въ Харьковскомъ университетѣ. Прекрасно вооруженный своими богатыми и обширными познаніями, мастерски владея перомъ и живымъ словомъ, разносторонне освѣдомленный въ ходѣ историческихъ превратностей и судьбахъ народовъ Востока и Запада, отъ эпохи Рима до нашихъ дней, онъ вводилъ своихъ слушателей въ самую лабораторію научныхъ изслѣдованій и показывалъ приемы работы надъ первоисточниками, что открывало каждому возможность при желаніи притти къ самостоятельнымъ заключеніямъ.

Общую характеристику проф. В. К. Надлера даютъ его ученики: проф. В. П. Бузескулъ (Зап. Им. Харьк. Унив. 1894 г., № 2, и Журналъ Мин. Нар. Просв. 1894 г., № 5), А. С. Вязигинъ (Харьк. Губ. Вѣдом. 1894 г., № 86) и М. Агбевъ (Южный Край 1894 г.).

Напечатаны слѣдующіе труды В. К. Надлера: 1) „Причины и первыя проявленія оппозиціи католицизму въ Чехіи и Западной Европѣ въ концѣ XIV и началѣ XV в.“. Харьковъ 1864. 2) „Русскія историческія руководства и ихъ отношеніе къ наукѣ всеобщей исторіи“. Харьковъ, 1864. 3) „Базельскій соборъ и его значеніе“ (помѣщ. въ „Духовномъ Вѣстникѣ“ № 1). Харьковъ, 1865. 4) „Состояніе Западной Европы въ концѣ IX и началѣ X столѣтія“ (Духовный Вѣстникъ № 4). Харьковъ, 1865. 5) „Императоръ Оттонъ III и его время“ (Отчетъ частнаго заведенія для пригото-

ленія молодыхъ людей въ университетъ). Харьковъ, 1865. 6) „Культурная жизнь арабовъ въ первые вѣка геджры (662—1100) и ея выраженіе въ поэзіи и искусствѣ (приложеніе къ протоколамъ засѣданій совѣта Императорскаго Харьковского университета № 3). Харьковъ 1869. 7) Разборъ соч. Воеводскаго „Каннибализмъ въ греческихъ мифахъ“ (Записки Харьковскаго университета 1874 г.). 8) „Османскіе турки и балканскіе славяне во второй половинѣ XIV вѣка“ (Сѣверная Звѣзда № 17, 19; 22—24), 1877. 9) „Юстиніанъ и партія цирка въ Византіи“. Харьковъ 1876. 10) „Императоръ Александръ I, какъ освободитель Европы“. Харьк. 1877. 11) Меттернихъ и европейская реакція. Харьковъ 1882. 12) Двадцатипятилѣтіе царствованія Императора Александра II (напечатано въ приложеніи къ Журналу Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1885 г.). 13) „Многоческій элементъ въ исторіи“. Харьковъ 1887. 14) „Императоръ Александръ I и идея священнаго союза“. Харьковъ, Т. I, 1886. Т. II, 1886. Т. III, 1887. Т. IV, 1888. Т. V, 1892. 15) „Папство и его отношеніе къ свѣтской власти до эпохи Григорія VII („Вѣра и Разумъ“ 1889 г.).—Помимо этихъ сочиненій, проф. Надлеръ выпустилъ въ свѣтъ подъ своей общей редакціей извѣстные „Лекціи по всемірной исторіи“, проф. М. Н. Петрова, при чемъ томъ второй, посвященный среднимъ вѣкамъ, обработанъ и дополненъ самимъ редакторомъ, перу котораго принадлежитъ заключительная глава „Переходъ отъ среднихъ вѣковъ къ новымъ“, и переводъ отрывка изъ всемірной исторіи Ранке. Харьковъ 1888 г.

А. С. Вязигинъ.

Бузескулъ Владиславъ Петровичъ, ординарный профессоръ по кафедрѣ всеобщей исторіи, изъ дворянъ Екатеринославской губ., Славяно-сербскаго уѣзда (предокъ его вышелъ изъ Молдаво-Валахіи и поступилъ на русскую службу въ царствованіе Анны Іоанновны¹⁾, родился 24 февраля 1858 г. Окончивъ курсъ во 2-й Харьковской гимназіи съ золотою медалью, онъ поступилъ въ Харьковскій университетъ на историко-филологическій факультетъ. Въ то время исторію здѣсь преподавали проф. М. Н. Петровъ и В. К. Надлеръ. Будучи на 4-мъ курсѣ, Бузескулъ получилъ золотую медаль за сочиненіе на тему по русской исторіи («Мстиславъ Мстиславичъ, князь Торопецкій», впоследствии напечатанное въ Ж. М. Н. Пр.).

По окончаніи университетскаго курса въ 1880 г. Бузескулъ былъ оставленъ при университетѣ сначала сверхштатнымъ, а потомъ (1883 г.) штатнымъ стипендіатомъ для приготовленія къ профессорскому званію по кафедрѣ всеобщей исторіи. Готовясь къ магистерскому экзамену, къ которому онъ приступилъ весною 1884 года, Бузескулъ занимался больше новою и среднею исторіею; къ этой послѣдней области относится и напе-

¹⁾ Въ моей автобіографіи, помѣщенной въ „Критико-біографическомъ Словарѣ“ С. А. Венгерова; сказано, что предки мои были, по семейнымъ преданіямъ, сербы или, скорѣе, болгары. Но потомъ мнѣ удалось найти документы прадѣда моего, въ коихъ прямо сказано, что дѣдъ его вышелъ изъ Молдаво-Валахіи въ декабрѣ 1731 года. Самая фамилія, очевидно, румынская.

читанная имъ тогда статья: «Папство и Арнольдъ Бреншанскій», а также и первая пробная лекція на тему по собственному избранію, читанная имъ для полученія званія приватъ-доцента: «Обзоръ нѣмецкой литературы по исторіи среднихъ вѣковъ» (напечатана). Въ области греческой исторіи, составляющей его главную спеціальность, Бузескулъ специализировался позднѣе, уже будучи приватъ-доцентомъ, когда, за выходомъ проф. Петрова въ отставку, ему поручено было чтеніе лекцій по этому отдѣлу (1886 г.).

Состоя стипендіатомъ для приготовленія къ профессорскому званію, а также и въ теченіе послѣдующихъ лѣтъ, до половины 1896 г., Бузескулъ въ то же время преподавалъ въ средне-учебныхъ заведеніяхъ, преимущественно женскихъ. Въ 1885 году онъ былъ принятъ въ число приватъ-доцентовъ Харьковскаго университета (29 мая); въ 1889 году защитилъ диссертацию («Периклъ») на степень магистра; въ 1890 году назначенъ исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора; въ 1895 году, послѣ защиты диссертации на степень доктора всеобщей исторіи («Аѳинская Политія Аристотеля, какъ источникъ для исторіи государственнаго строя Аѳинъ до конца V в.»), возведенъ въ званіе ординарнаго профессора (22 августа). 18 сентября 1901 года назначенъ деканомъ историко-филологическаго факультета.

Бузескулъ состоитъ членомъ ученыхъ обществъ: Императорскаго Московскаго Археологическаго, Императорскаго Русскаго Археологическаго, и нѣкоторыхъ другихъ; принималъ участіе, въ качествѣ члена, въ различныхъ комиссіяхъ, избравшихся совѣтомъ университета, напр.: по вопросу о возобновленіи изданія «Ученыхъ Записокъ» (одно время состоялъ и членомъ редакціоннаго комитета), о пересмотрѣ правилъ относительно пріобрѣтенія степени доктора медицины, комиссіи для составленія отвѣта на вопросы, предложенные министерствомъ народнаго просвѣщенія объ измѣненіи устава 1884 года и проч. По порученію бывшаго ректора Г. И. Лагермарка Бузескулъ составилъ очеркъ исторіи Харьковскаго университета за время царствованія Императора Александра III (напечатанъ на правахъ рукописи). Въ 1896 году совѣтомъ университета былъ командированъ въ Ригу, а въ 1899 г.—въ Кіевъ, въ числѣ депутатовъ на археологическій съѣздъ; состоялъ депутатомъ и на Харьковскомъ археологическомъ съѣздѣ въ 1902 г.

Первый читанный Бузескуломъ въ университетѣ курсъ (въ осеннемъ полугодіи 1885 г.) посвященъ былъ исторіи переходной эпохи отъ среднихъ вѣковъ къ новымъ (XIV—XV ст.); въ слѣдующемъ полугодіи Бузескулъ читалъ спеціальныя курсы исторіографіи XIX в. и исторіи гуситской эпохи. Съ 1886 г. онъ читалъ общіе курсы греческой (литографированъ) и новой исторіи (раздѣляя послѣдній обыкновенно на два года). Спеціаль-

ный курсъ объ источникахъ греческой исторіи, читанный въ осеннемъ полугодіи 1901 г., легъ въ основу «Введенія», изданнаго въ 1903 году (въ 1904 г. — 2-е изд.). Кромѣ того, нѣкоторое время, послѣ перехода проф. Надлера въ Новороссійскій университетъ, Бузескулъ читалъ общій курсъ исторіи среднихъ вѣковъ, а въ послѣднее время и исторіи Востока. Такимъ образомъ, Бузескулу приходилось читать лекціи по всѣмъ отдѣламъ всеобщей исторіи, за исключеніемъ лишь римской. Практическія занятія имъ ведутся преимущественно по греческой исторіи.

Когда Харьковское историко-филологическое общество организовало чтенія для женщинъ, то Бузескуломъ прочитанъ былъ (въ весеннемъ полугодіи 1896 г.) курсъ по исторіи государственнаго строя Аѳинъ; а въ 190²/₃ академическомъ году онъ участвовалъ въ чтеніи научныхъ курсовъ для женщинъ, которые устроены были обществомъ воспитательницъ; читанныя имъ здѣсь лекціи объ источникахъ и разработкѣ греческой исторіи, въ связи съ новѣйшими открытіями, вошли въ болѣе распространенномъ видѣ въ изданное имъ «Введеніе въ исторію Греціи».

Кромѣ того, Бузескуломъ читались отдѣльныя публичныя лекціи, напр.: въ 1891 г.—о Шлиманъ и его раскопкахъ въ Троѣ, Микенахъ и Тиринѣ (въ сокращ. видѣ напечатана въ «Харьк. Вѣдом.», а вторая ея половина въ полномъ видѣ помѣщена въ «Филол. Обзор.», I), въ 1902 г.—О женскомъ вопросѣ въ древней Греціи (напечатана въ юбилейномъ сборникѣ петербургскихъ высшихъ женскихъ курсовъ: «Къ Свѣту»), въ 1903 г.—О началѣ міровоззрѣнія новаго времени.

О Бузескулѣ—ст. въ «Критико-біографическомъ Словарѣ» С. А. Венгерова, т. VI, стр. 155—160.

Перечень печатныхъ трудовъ проф. В. П. Бузескула: 1) „О занятіи Галича Мстиславомъ Удалимъ“ (хронологическая замѣтка—отрывокъ изъ медальнаго сочиненія), Ж. М. Н. Пр., 1881, мартъ; 2) Князь Торопецкій Мстиславъ Мстиславичъ (ibid., 1883, апрѣль, іюнь, августъ); 3) Папство и Арнольдъ Брешіанскій (В. и Раз., 1884); 4) Всемирная исторія Ранке (Ж. М. Н. Пр., 1885, августъ; 1886, апрѣль); 5) Обзоръ нѣмецкой литературы по исторіи среднихъ вѣковъ. Харьк. 1885 (пробная лекція); 6) Нѣмецкая исторіографія Вегеле (Ж. М. Н. Пр., 1886, май); 7) Леопольдъ Ранке (замѣтка въ „Харьк. Вѣдом.“ и болѣе подробная ст. въ Ж. М. Н. Пр., 1886, іюль); 8) Къ біографіи Мих. Наз. Петрова („Харьк. Вѣдом.“, 1887, № 33); 9) М. Н. Петровъ (некрологъ въ Ж. М. Н. Пр., 1887); 10) Новый взглядъ на государств. дѣятельность Перикла (Ж. М. Н. Пр., 1888, апрѣль); 11) Обработка къ печати III-го т. „Лекцій по всемірной исторіи“ проф. М. Н. Петрова. Харьк. 1888; 12) Реформація и католическая реакція въ Польшѣ, 1888 (отдѣльн. оттиски прибавленія къ III т. „Лекцій“ М. Н. Петрова); 13) Периклъ. Историко-критич. этюдъ. Харьк. 1889. 418 стр. (магистер. диссертация. *Рецензіи* на нее—въ „Рус. Вѣстн.“, 1889, май; Ж. М. Н. Пр., 1889, май. („Книжн. Новости“); „Рус. Мысль“, 1889, августъ; „Книжн. Вѣстн.“, 1889, № 10; ст. О. Г. Мищенко, „Оукидидъ—сторонникъ аѳин. демокр.“, Ж. М. Н. Пр., 1890, августъ; „Книга о книгахъ“. М. 1891; „The Athenaeum“, 1889, 6 July; Berl.

Philol. Wochenschr., 1891, № 4); 14) Обработка IV т. „Лекцій“ М. Н. Петрова. Харьк. 1890; 15) Замѣтка о Тэнѣ. 1890 (отдѣльн. оттиски изъ IV т. „Лекцій“ М. Н. Петрова); 16) Двѣ замѣтки о соч. В. К. Надлера: „Александръ I и идея Священ. Союза“, Ж. М. Н. Пр., 1887, май и т. CCLXV (за подп. Р. Д.); 17) Къ вопросу о политическомъ демократизмѣ Оукидида (Ж. М. Н. Пр., 1890, декабрь); 18) Двѣ ст. объ „Историческомъ Обзорѣнн“, въ Харьк. Вѣдом., 1891, №№ 24 и 132; 19) Отзывъ о рус. перев. „Греч. древностей“ Бузольта, въ „Сѣв. Вѣстн.“, 1891, мартъ и (болѣе подробный) въ „Филолог. Записк.“, 1890, вып. VI; 20) Библиографическая замѣтка о книгахъ, изданныхъ въ Харьковѣ (Сборн. Истор.-филол. Общ. при Харьк. унив., т. III. 1891); 21) Новооткрытый трактатъ Аристотеля объ афинской демократіи („Историч. Обзор.“, т. II. 1891); 22) Оемистоклъ и Эфальтова реформа ареопага (Ж. М. Н. Пр., 1891, июль); 23) О раскопкахъ Шлимана въ Троѣ, Микенахъ и Тиринѣ („Филол. Обзор.“, I. 1891); 24) Замѣтка о кн. *Guiraud, La vie privée et la vie publ. des Grecs* (Филол. Обзор. II. 1892); 25) Рец. на рефератъ Э. Р. ф. Штерна, „Афинская Политія Аристотеля“ (Филол. Обзор., II. 1892); 26) Вопросъ о новооткрытой *Ἀθην. Πολιτεία* (Ж. М. Н. Пр., 1892, июль, 1893, май, октябрь); 27) По поводу новыхъ учебниковъ всеобщей исторіи (Харьков. Вѣдом., 1893, отъ 3 марта, и въ „Труд. Педаг. отд. Харьк. Истор.-филол. Общ.“); 28) Новое изданіе трактата Аристотеля объ афин. политіи (Зап. Имп. Харьк. Унив. 1893, кн. 2); 29) Научная литература по греческой исторіи за послѣдніе годы (1880—1892) въ ея главн. явленіяхъ (Филол. Обзор., IV. 1893); 30) Рец. на рус. пер. „Исторіи эллинизма“ *Дройзена* (Фил. Обзор., V, 1893); 31) Рецензія на „*Griech. Geschichte*“ *Белоха* (ibid.); 32) Некрологъ В. К. Надлера (Харьк. Вѣд., Ж. М. Н. Пр., Зап. Харьк. Унив. 1894); 33) *Ἀθην. Πολιτεία* Аристотеля (Источники Аристотеля и его отношеніе къ нимъ) (Ж. М. Н. Пр., 1894, июнь—июль); 34) Рец. на „Исслѣдованія по греческой исторіи“ г.г. *Маклакова* и *Гершензона* (Фил. Обзор., VII, 1894); 35) Афинская Политія Аристотеля, какъ источникъ для исторіи государств. строя Афинъ до конца V в. Харьк. 1895. 478 стр. (докторская диссертация.—Рецензіи на нее—въ „Фил. Обзор.“, VIII. 1895; *Г. О. Шульца* въ Зап. Харьк. Унив., 1895, кн. (ср. отчетъ о диспутѣ—ibid.), *В. А. Шеффера*—въ *Bursian's Jahresbericht*, LXXXIII, 1895, и въ *Berl. Phil. Wochenschr.*, 1896, № ³¹/₃₂; Русская Мысль, 1895, октябрь; Журн. Мин. Народн. Просв., 1896, январь („Книжн. Нов.“); Д. Д. А. (*Агури*)—въ Българск. Прѣгл. (августъ и слѣд.); 36) Некрологъ Н. А. Осокина (Харьк. Вѣд., 1896, 4 января); 37) Двѣ зам. о сборникѣ: „Исторія Греціи со времени Пелопон. войны“ (Фил. Обзор., 1896); 38) Генрихъ Зибель, какъ историкъ-политикъ (Зап. Харьк. Унив., 1896, кн. 4-я, и отдѣльно); 39) Эрнстъ Курциусъ (Фил. Обзор., XII, 1897); 40) Зам. о рус. пер. „Исторіи Греціи“ *Белоха* (ibid); 41) Зам. по поводу книги *Н. И. Каръева*, „Выборъ факультета и прохожденіе университетскаго курса (Харьк. Вѣд., 1897, № 97); 42) Возстаніе грековъ и отношеніе къ нему Европы въ 1821—1829 г.г. (Харьк. Вѣд., 1897, № 111—112); 43) Ст. о В. К. Надлерѣ въ Энциклоп. Словарѣ Брокгауза-Эфрона; 44) Павсаній (ibid.); 45) Периклъ (ibid.); 46) М. Н. Петровъ (ibid.); 47) Обработка къ печати лекцій В. К. Надлера по исторіи французской революціи и имперіи Наполеона (Харьк. 1898); 48) Рец. на III т. „*Griech. Gesch.*“ Бузольта (Фил. Обзор., XIV, 1898); 49) Памяти проф. М. С. Корелива (Харьк. Вѣд., 1899, 9 января); 50) Новое изслѣдованіе по исторіи папства въ XI в. (разборъ диссертациі А. С. Вязигина), Ж. М. Н. Пр., 1899, мартъ; 51) Памяти В. Г. Васильевского (Харьк. Вѣд., 1899, 22 мая); 52) Характерн. черты научн. движенія въ области греч. исторіи за послѣднее 30-лѣтіе (Рѣчь на Кіевск. Археол.

Създѣ). (Рус. Мысль, 1900, февр.); 53) Краткій очеркъ исторіи Харьковскаго университета въ царствов. Императора Александра III. Харьк. 1900 (на правахъ рукописи); 54) Профессоръ-гуманистъ (въ сборн. „Помощь“. Спб. 1901); 55) Фукидидъ и историческая наука XIX в. (Ж. М. Н. Пр., 1901, и въ сборн. въ честь П. В. Никитина); 56) Тираниія въ Греціи (Энциклоп. Словарь); 57) Тимей (ibid.); 58) Тимоеей (ibid.); 59) Изученіе соціально-экономич. исторіи Греціи (ibid.); 60) Историческій процессъ по воззрѣніямъ греческихъ историковъ („Образованіе“, 1902, ноябрь); 61) Чтѣ читать по греч. исторіи на рус. языкѣ въ цѣляхъ самообразованія? („Вѣстн. Самообраз.“, 1903, № 2); 62) „Введеніе въ исторію Греціи“. Харьк. 1903. 535 стр. изъ „Зап. Харьк. Унив.“ за 1900—1903 г.г. *Рецензіи*: „Русск. Вѣд.“, 1903, 31 марта (С. Фортунатова); „Вѣстн. Евр.“, 1903, апрѣль; „Рус. Бог.“, 1903, іюль; „Историч. Вѣстн.“, 1903, августъ; „Рус. Мысль“, 1903, августъ; Ж. М. Н. Пр., 1903, августъ (С. А. Жебелева); „Научн. Слово“, 1903, VII (М. О. Гершензона); „Рус. Школа“, 1903—іюль, августъ (Н. И. Каргѣва); „Мірѣ Божій“, 1903, окт. (А. К. Джигелегова); „Нов. Время“, прилож. къ № 9940; брошюра А. И. Покровскаго, 50 стр. (Нѣж. 1903, изъ „Изв. Инст.“); „Правда“, 1904, мартъ (г. Н. Никольскаго); „Národní Listy“, 1903, 12 юнія (Prásek); „Deutsche Litteraturzeit.“, 1903, № 33 (С. А. Жебелева); „Wochenschr. f. klass. Philol.“, 1903, № 37 (Prásek); „Česke Mus. Filol.“, 1903 (его-же); „Česke Časop. Histor.“, 1903, IX. 2-е изд. Харьк. 1904. *Рецензіи*: „Рус. Бог.“, 1904, окт.; „Ж. М. Н. Пр.“, 1904, ноябрь (Книжн. Нов.), „Вѣстн. Самообраз.“ (1904, № 47); „Истор. Вѣст.“ 1905, февр.; „Рус. Мысль“, 1905, янв.; „Revue histor.“, 1905, mars—avr.; 63) Ст. о Дройзенѣ и Э. Курциусѣ въ „Вѣстн. Самообраз.“, 1903, № 36; 64) „Женскій вопросъ въ древней Греціи“ въ юбилейн. сборникѣ Петерб. Высш. Женск. Курсовъ „Къ свѣту“; 65) ст. о Шлиманѣ въ „Энциклопедич. Словарѣ“ Брокгауза-Ефрона; 66) ст. объ Э. Мейрѣ („Вѣстн. Самообр.“, 1904); 67) о Ранке (ibid); 68) о Зибелѣ (ibid.); 69) Реп. на „Déjiny“ Прашка (Ж. М. Н. Пр., 1904, іюль); 70) ст. о Фукидидѣ въ „Энцикл. Слов.“ Брокгауза-Ефрона; 71) о Г. Гротѣ въ „Вѣстн. Самообр.“ (1905); 72) Реп. (на нѣм. яз.) на АХАИКА С. А. Жебелева въ „Deutsche Literatur-Zeit.“ 1905, № 4; 73) „Профессоръ М. М. Лунинъ, Харьковскій Грановскій (Ж. М. Н. Пр., 1905, февр. и отдѣльно).

В. П. Бузескуль.

Лалинъ Валентинъ Васильевичъ родился 7 февраля 1858 г. въ дер. Шептуновкѣ Курской губ., въ дворянской семьѣ. Первоначальное образованіе получилъ дома, подъ руководствомъ матери, Александры Николаевны, и въ курской частной школѣ Н. П. Ждановой. Курсъ средняго образованія прошелъ въ курской гимназіи, находившейся подъ начальствомъ Д. Г. Жаворонкова. 17-ти лѣтъ, по окончаніи полнаго курса гимназіи, поступилъ въ Харьковскій университетъ сначала на медицинскій факультетъ, а черезъ годъ перешелъ на историко-филологическій, который и окончилъ въ 1881 г., получивъ золотую медаль за сочиненіе на тему: «Первобытное общее племя и Скиоія», предложенную проф. П. А. Безсоновымъ съ одобренія факультета. Въ томъ же 1881 г. В. В. Лалинъ былъ оставленъ при университетѣ сверхштатнымъ стипендіатомъ для приготовленія къ профессорскому

званію по всеобщей исторіи, согласно представленію проф. М. Н. Петрова, и былъ назначенъ преподавателемъ исторіи въ Харьковскій институтъ благородныхъ дѣвицъ. Въ 1883 году былъ утвержденъ штатнымъ стипендіатомъ для приготовления къ профессорскому званію. Въ 1886 году выдержалъ при историко-филологическомъ факультетѣ Харьковского университета испытаніе на степень магистра всеобщей исторіи. Послѣ прочтенія двухъ пробныхъ лекцій на темы: «Ассирія и Вавилонъ при свѣтѣ новѣйшихъ изслѣдованій» и «Новѣйшія изслѣдованія по исторіи римской имперіи» — предложеніемъ г. попечителя Харьковского учебного округа отъ 18 февраля 1886 г. допущенъ къ чтенію лекцій въ Харьковскомъ университетѣ въ качествѣ приватъ-доцента по всеобщей исторіи. Съ весенняго семестра 1887 г. началъ чтеніе лекцій въ университетѣ. Согласно ходатайству факультета, предложеніемъ г. попечителя Харьковского учебного округа отъ 16 іюля 1887 года, было поручено ему, съ разрѣшенія г. министра народнаго просвѣщенія, чтеніе обязательныхъ курсовъ по всеобщей исторіи, и въ частности по исторіи Рима и древняго Востока, съ вознагражденіемъ по 1200 руб. въ годъ. Но новое порученіе возобновлялось съ тѣхъ поръ ежегодно до 1899-1900 академическаго года включительно. Высочайшимъ приказомъ отъ 20 іюня 1900 года онъ былъ назначенъ на должность директора Курской гимназіи.

Курсы, читанные В. В. Лапинымъ въ университетѣ, были слѣдующіе: обязательные общіе курсы по исторіи Рима и древняго Востока, необязательные спеціальные курсы: «О раскопкахъ въ Месопотаміи», въ «Египтѣ», «Курсъ древней географіи», «Египтологія», «Ассириологія». Параллельно съ чтеніемъ теоретическихъ курсовъ велись практическія занятія со студентами, особенно по древне-римскимъ надписямъ, которымъ предпосылался лекторомъ краткій курсъ латинской эпиграфики (по методу Cagnat).

Кромѣ обязанностей приватъ-доцентскихъ, В. В. Лапинъ принималъ дѣятельное участіе въ устроенныхъ кружкомъ профессоровъ при І Харьковской женской гимназіи чтеніяхъ для образованныхъ женщинъ изложеніемъ (въ теченіе двухъ семестровъ) курсовъ римской исторіи и въ трудахъ комиссіи для народныхъ чтеній.

Научные и литературные труды В. В. Лапина: 1) „Курсъ Римской исторіи“. Харьковъ, 1891 г. литографія Диденковой, изд. Войниловича; 2) „Курсъ исторіи народовъ древняго Востока“ (литографированный). 1892 г.; 3) „Памяти славянскихъ первоучителей“, историческій очеркъ, напечатанный въ „Южномъ Краѣ“ за 1893 г.; 4) „Курсъ римской исторіографіи“ (два изданія 1895 и 1897 г.г., литогр. Диденковой); 5) „Замѣтка къ исторіи Харьковского университета“ (напечатана въ 4-й книжкѣ Записокъ Имп. Харьк. Универ. за 1894 годъ); 6) „Харьковское Общество благодѣянія“ въ 1812—1817 г.г. Историч. очеркъ по неизд. источникамъ (напечатанъ въ „Кіевской Старинѣ“ за 1895 г. и отдѣльный оттискъ того же очерка, съ нѣко-

торыми исправленіями и дополненіями, Кіевъ. 1895 г.); 7)* „Императоръ Тиберій“. Рецензія, помѣщенная въ Запискахъ Харьк. Унив. за 1898 г., вып. II-й; 8) „Императрица Екатерина II и Бецкій и ихъ учрежденія для воспитанія русскихъ женщинъ“. Напеч. въ сборникѣ Харьк. Историко-Филологич. Общества за 1899 г. Отдѣльный оттискъ, Харьк. 1899 г.; 9) Помѣщенный въ „Харьк. Губ. Вѣд.“: „Рѣчь на могилѣ Е. Н. Драшковой“, „Рѣчь въ честь А. Н. Кривцова“ и другія мелкія замѣтки.

В. В. Лапинъ.

Гренъ Алексѣй Николаевичъ, приватъ-доцентъ по исторіи Востока, сынъ полковника, родился въ 1862 году. Въ 1886 году окончилъ курсъ наукъ въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ по факультету восточныхъ языковъ со степенью кандидата, по еврейско-арабскому и армяно-грузинскому разрядамъ. Въ университетѣ онъ слушалъ курсы по исторіи Востока, по мусульманскому праву, по словесностямъ: арабской, еврейской, сирійской, халдейской, армянской, грузинской и по исторіи Персіи; сверхъ этого занимался санскритскою, зендскою, персидскою и пехлевійскою словесностями. По окончаніи курса былъ приглашенъ академикомъ Радловымъ въ азіатскій музей Императорской академіи наукъ для приведенія въ порядокъ и составленія каталога іудейской, армянской и грузинской библиотекъ. По окончаніи этой работы, г. Гренъ, будучи причисленъ къ министерству народнаго просвѣщенія, согласно рекомендаціи акад. Радлова и на основаніи инструкціи академіи наукъ, былъ командированъ въ распоряженіе попечителя Кавказскаго учебнаго округа. Прибывъ на Кавказъ, Гренъ прежде всего отправился въ Мингрелію для записыванія мингрельскихъ текстовъ и составленія мингрельскаго алфавита, гдѣ и пробылъ до 1 апрѣля 1887 г., записавъ до 500 произведеній народнаго творчества. По окончаніи порученія онъ былъ вызванъ въ Петербургъ, гдѣ работа его признана была конференціей академіи наукъ выполненною успѣшно, а представленный имъ алфавитъ напечатанъ въ составленномъ академиками Радловымъ, Залеманомъ и Васильевымъ сборникѣ лингвистическихъ азбукъ для восточныхъ языковъ. 17 августа 1887 г. попечитель Кавказскаго учебнаго округа назначилъ Грена на должность инспектора народныхъ училищъ Тифлисской губерніи. Въ 1888 году онъ былъ командированъ попечителемъ Кавказскаго округа въ Сванетію для продолженія въ этой странѣ трудовъ барона Услара. Результатомъ этой поѣздки явились напечатанные въ X вып. «Сборника матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа» собранные имъ «Сванетскіе тексты съ словаремъ и грамматикой», гдѣ въ первый разъ сдѣланъ опытъ сравнительной грамматики картвельскихъ нарѣчій.

Въ качествѣ члена-сотрудника Императорскаго Московскаго общества любителей этнографіи, естествознанія и антропологіи Гренъ напечаталъ во II т. Этнографическаго Обзорѣнія за 1890 годъ статью «Девы и Кадши», а въ 1891 году переводъ грузинскаго рыцарскаго романа «Амирантъ, сынъ Даредшана». Нѣкоторыя сужденія Грена по этнографіи и литературѣ народовъ Кавказа были опубликованы проф. В. Θ. Миллеромъ въ «Новомъ Обзорѣніи», издающ. въ Тифлисѣ, и въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1890 г. при разборахъ выпусковъ Сборника матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа.

Въ бытность свою на Кавказѣ г. Гренъ собралъ до 4000 грузинскихъ, аварскихъ, чеченскихъ и др. текстовъ и напечаталъ грузинскій переводъ «Шахъ-Наме» XII в., считавшійся до тѣхъ поръ безвозвратно утеряннымъ. Предложеніемъ попечителя Кавказскаго учебнаго округа отъ 9 іюля 1891 г. Гренъ былъ перемѣщенъ для пользы службы инспекторомъ народныхъ училищъ Терской области. 30 октября того же года состоялось увольненіе его отъ должности по прошенію. Въ началѣ весенняго семестра 1892 г. Гренъ обратился съ просьбой въ историко-филологическій факультетъ Харьковского университета о зачисленіи его приватъ-доцентомъ по исторіи Востока. Въ виду одобрительнаго отзыва о научныхъ трудахъ г. Грена, въ засѣданіи факультета, составленнаго проф. Овсяннико-Куликовскимъ, факультетъ допустилъ г. Грена къ чтенію пробныхъ лекцій. Первая лекція была «О происхожденіи Кира» по собственному выбору лектора, вторая — «О первыхъ столкновеніяхъ мусульманства съ Византіей» — по назначенію факультета. Двѣ лекціи были одобрены факультетомъ, и Гренъ былъ допущенъ къ чтенію лекцій по исторіи Востока предложеніемъ попечителя отъ 31 марта 1892 года въ качествѣ приватъ-доцента. Предложеніемъ г. министра народнаго просвѣщенія отъ 12 января 1893 года онъ былъ назначенъ приватъ-доцентомъ университета св. Владиміра для преподаванія исторіи Востока съ содержаніемъ 1200 руб. въ годъ.

Въ Харьковскомъ университетѣ Греномъ были читаны слѣдующіе курсы: въ 1892/3 академ. году. Исторія Востока съ практическими занятіями по исторіи Востока. Исторія Кавказа. Введеніе въ этнологію Кавказа. Еврейскій языкъ.

Научные труды г. Грена, кромѣ поименованныхъ выше: въ журналѣ „Иверія“ за 1884 г., на грузинскомъ языкѣ рядъ статей по клинообразнымъ надписямъ. Въ газетѣ „Кавказъ“ на русскомъ языкѣ были напечатаны слѣд. статьи: „Албанія грековъ и Албанія армянскихъ авторовъ“ (1886 г.). — „Мингрельскія легенды“ (1887 г.). — „Кавказъ въ эпоху ассирійскихъ съ нимъ сношеній“ (1888 г.). — „Кавказъ до появленія династіи Аршакидовъ“ (1888 г.). — „О происхожденіи династіи Багратидовъ“ (1888 г.). — „Религія огня въ Грузіи“ (1888 г.). — „Каспы и Массагеты“ (1889 г.). — „Царь Вахтанъ Гургасланъ“ (1889 г.). — „Историческая драма изъ эпохи II в. въ

Грузіи „Муштединъ“, „Сиринозіани“ (изложеніе одного грузинскаго романа) 1889 г. „Margalica. Сборникъ народныхъ мингрельскихъ произведеній съ словаремъ и опытомъ ихъ грамматики. Вып. I. Самурзаканскіе тексты. Вып. II. Тексты сѣверной Мингреліи.—Библиографическій списокъ книгъ, картъ, картинъ и сочиненій о Терской области въ Терскомъ календарѣ за 1892 г.—Изложеніе основъ системы Шаріата въ Терскомъ сборникѣ за 1892 г.—Народныя игрища на Кавказѣ, погребальныя обычаи въ Мингреліи и Алванское поле въ Туметіи (журн. „Вокругъ Свѣта“).

М. Г. Халанскій.

Вязигинъ Андрей Сергѣевичъ, потомственный дворянинъ, родился 15 октября 1867 года, въ хуторѣ Оедоровкѣ, Волчанскаго уѣзда, Харьковской губерніи. Съ ранняго дѣтства, подъ вліяніемъ своей бабушки, М. А. Худашевой, обнаружилъ влеченіе къ исторіи, нашедшее поддержку въ преподавателяхъ III Харьковской гимназіи прот. Тимоѣѣ Павловѣ и М. В. Алексѣевѣ. Получивъ аттестатъ зрѣлости (1886 г.), поступилъ въ Харьковскій университетъ на историко-филологическій факультетъ. Работалъ съ большою пользою и интересомъ на практическихъ занятіяхъ проф. В. К. Надлера, Д. И. Багалѣя, В. П. Бузескула, Р. И. Шерцля и Г. О. Шульца, посѣщая въ то же время лекціи А. А. Потебни. Въ 1890 г. удостоенъ былъ золотой медали за сочиненіе на предложенную факультетомъ тему: «Борьба Генриха IV съ Григоріемъ VII до избранія Рудольфа Швабскаго» (по источникамъ). Выдержавъ государственный экзаменъ (1891 года) съ дипломомъ первой степени, былъ оставленъ (съ 1 января 1892 г.) стипендіатомъ для приготовленія къ профессорскому званію по кафедрѣ всеобщей исторіи. Въ 1894 году сдалъ установленное испытаніе на степень магистра всеобщей исторіи и приобрѣлъ званіе приватъ-доцента по кафедрѣ всеобщей исторіи (съ 10 декабря 1894 г.), при чемъ ему было поручено факультетомъ чтеніе лекцій по средней исторіи. 13 декабря 1898 года защитилъ въ Харьковскомъ университетѣ диссертацию на степень магистра всеобщей исторіи, подъ заглавіемъ: «Очерки изъ исторіи папства въ XI вѣкѣ». Съ 1901 года по порученію факультета читаетъ, помимо исторіи среднихъ вѣковъ, обязательный курсъ по исторіи Рима. Высочайшимъ приказомъ отъ 22 декабря 1901 года назначенъ и. д. экстра-ординарнаго профессора по кафедрѣ всеобщей исторіи. 29 декабря 1899 года былъ командированъ въ Москву на засѣданія предварительнаго комитета по устройству археологическаго съѣзда въ Харьковѣ.

Сочиненія: „Григорій VII, его жизнь и общественная дѣятельность“ (біографическій очеркъ). Спб. 1891.—„Личность и значеніе Григорія VII въ исторической литературѣ. (Историческое Обзорѣніе. Т. IV). П. 1892. — И. М. Собѣстіанскій. Ученія о національных особенностяхъ характера и юридическаго быта древнихъ славянъ“ (критич. замѣтка въ „Славянскомъ Обзорѣніи“ 1892 г. Т. II). — И. С. Ли-

стовскій. „Историческіе итоги“ (крит. замѣтка въ „Слав. Обзорѣніи“ 1892 г. Т. III.— „Новое изслѣдованіе объ избраніи Григорія VII“ (разборъ книги Мирбта „Die Wahl Gregors VII“ въ Запискахъ Императорскаго Харьковского Университета 1893 г., вып. III). — Предисловіе къ русскому переводу „Очерка государственныхъ и правовыхъ государственныхъ греческихъ древностей. Георга Бузольта. X. 1894 г. — „Петръ Даміани, борецъ за церковно-общественныя преобразованія XI вѣка“ (Записки Имп. Харьк. Univ. 1895 г., вып. IV). — „Замѣтки по исторіи полемической литературы XI вѣка“. X. 1896 г. — „Новѣйшія изслѣдованія по исторіи Григорія VII и его времени“ (разборъ сочиненія Мирбта „Die Publizistik im Zeitalter Gregors VII“ и Мартенса „Gregor VII, sein Leben und Wirken“. Русская Бесѣда 1896 г., № 2). — Критическій разборъ книги князя Е. Н. Трубецкого „Религиозно-общественный идеалъ западнаго христіанства въ XI вѣкѣ“ (Журн. Мин. Нар. Пр. 1897 г., № 8). — „Распаденіе преобразовательной партіи при папѣ Александрѣ II“ (Записки Импер. Хар. Univ. 1897 г., № 1). — „Новый сборникъ памятниковъ средневѣковой публицистики“ (Журн. Мин. Нар. Пр. 1898 г., № 4). — „Очерки изъ исторіи папства въ XI вѣкѣ“ (Гильдебрандъ и папство до смерти Генриха III). П. 1898 г. — „Экономическія возрѣвіи Θомы Аквинскаго (разборъ книги Мауренбрехера“ Thomas von Aquino's Stellung zum Wirthschaftsleben seiner Zeit „Жизнь“ № 9. 1899 г.). — Международное право въ средніе вѣка (по поводу книги барона Таубе). Слб. 1900 г. — „Признаки божескаго царства по твореніямъ бл. Августина, Льва Великаго и Григорія Двоеслова“ (Журн. Мин. Нар. Пр. 1901 г., № 2). — „Преобразование франкской церкви и союзъ папства съ франками“ (Журн. Мин. Нар. Пр. 1901 г. № 10). — Теократическіе идеалы Карла Великаго и мѣры для ихъ осуществленія (Журн. Мин. Нар. Пр. 1901 г., № 11). — „Θ. Я. Фортинскій“ („Мирный Трудъ“ 1902 г., № 5). — „Слабость идейныхъ основъ имперіи Карла Великаго“ (Журн. Мин. Нар. Пр. 1903 г., № 12).

А. С. Вязигинъ.